

Ответственный редактор: Председатель Монгольской комиссии
академик В. А. Комаров

Редактор издания Н. Н. Поппе

1926.

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Корректор А. М. Налетов

Сдано в набор 7 марта 1938 г. — Подписано к матрицированию 31 мая 1938 г.
Подписано к печати с матриц 22 февраля 1940 г.

64 стр.

Формат бум. 70×108 см. — 4 печ. л. 4,49 уч.-ав. л. — 44860 тип. зн. в п. л. — Тираж 500.
Ленгорт № 395. — РИСО № 681. — АНИ № 324. — Заказ № 485.

Набрано в типографии Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, 12.
Отпечатано с матриц в тип. им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые материалы по восточно-халхаскому наречию собраны осенью 1927 г. в восточной части Монгольской Народной Республики, в стенах Хан-Хэнтэй-ульского аймака, ныне, после перерайонирования 1931 г., Хэнтийского аймака.

Материал представляет собою запись живой халха-монгольской речи. Всего записано три сказки и три улигера — былины.

Одна из сказок («тō аллак шартэ ёнгё») записана от халха-монголки Цеймиле, девушки девятнадцати лет, уроженки и жительницы б. Биндирья-ульского аймака.

Остальное — две сказки: 1) нэг тō бйёт, хойр тō саххалт, 2) «ёртёр сэгтэ нгё ёнгё хойрн нэг хū...» и три улигера: 1) «шил галзү батэр, азик тэнэк атэр, ёдзё богдо — тэре гурw'и үлигэр, 2) галха монгол хя, ёлдёр хя хаддэйн и үлигэр, 3) арасал хя саг хя — записано от семнадцатилетнего халха-монгола Джамбы. Джамба — уроженец Хэнтэйского аймака; проживал он в долине Керулена в нескольких десятках километров от аймачного центра Ундэр-хана.

И Цеймиле и Джамба оба были неграмотны; за пределами своего аймака аймачного центра они нигде не бывали; принадлежали они к среднезажиточным ратским семьям.

Джамба был любителем родной поэзии, фольклора и, несомненно, сам обладал творческой фантазией и хорошей памятью. Как видно из текстов записанных им улигеров, он не смущался, забывая стихи, а смело передавал содержание своими словами. К сожалению, большая занятость Джамбы в своем и отцовском хозяйстве не позволяла ему уделять много времени рассказыванию для записи и не позволяла сосредоточиться. Зачастую приходилось запись прерывать и продолжать начатое лишь через более или менее продолжительный промежуток времени. Отсюда некоторые пропуски и неувязки в его рассказах.

Запись со слов рассказывающего производилась мною знаками фонетической транскрипции, построенной на основе русского алфавита. В настоящем же издании монгольские тексты переданы знаками латинизированной фонетической транскрипции, принятой теперь в монголоведческих работах Института востоковедения Академии Наук СССР. Описание знаков и особенностей фонетической

транскрипции, построенной на основе латинского алфавита, можно найти в работе Н. Н. Поппе «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака» (Образцы народной словесности монголов, т. IV, Изд. Акад. Наук СССР и Гос. Инст. культуры Бурят-Монгольской АССР. Л., 1934, стр. 17—22 и 131).

Перевод я стремилась возможно больше приблизить к тексту, что вместе с неопытностью переводчика обуславливает имеющиеся местами шероховатости.

В заключение считаю необходимым отметить, что в процессе подготовки настоящих материалов к изданию я неоднократно пользовалась советами и указаниями проф. Н. Н. Поппе, А. В. Бурдукова и Б. И. Панкратова. Существенную помощь при разборе сомнительных мест в записях оказали мне учащиеся монголы.

Октябрь 1936 г.
Ленинград

ТЕКСТЫ

I. нэг тō бийет хойжир тō саххалт

эртэ урдā cagtā нэг тō бийет хойжир тō саххалт гэгэ бāэзā.

texin éwr sojōtē jumsānžā. tēmēnī xūzū gabtāgtē jumsānžā. xujjīnd güicēkdēx-g¹i xullā cōxōr mor¹tōē jumsānžā. sālxdnd güicēkdēx-g¹i šarā cōxōr mor¹tōē jumsānžā.

tēxsē tērē нэг тō бийет хойжир тō саххалт: — xānā abāxāēg awūn! — гэгэ xujjīnd güicēkdēx-g¹i xullā cōxōr mor¹o unāt, texin éwr sojōγō gabčūlat, tēmēnī xūzū gabtāγ¹i unžūlat, žū xoēši mordōt jāwāž wāēsā. нэг тūlāē dāērlidāž. нэг тō бийетиг: xāēši jowō? — гэгэ asūžā.

tēxsē нэг тō бийет: —

xānā abāxāēg abxā гэгэ jāwnā! — гэгэ xēlžā.

tēxdēren tūlāē:

— sēcix-g¹i jūmēnd sēcīž, sēr xūzūnīxē max¹ig barāw-dā! —

— barāgčik, bāēxčik čamād xamā-g¹i! — гэгэ xēlēx mōrtō texin éwr sojōγōrō ōlgōt, tēmēnī xūzū gabtāγāndā xīcx¹āt jāwāž wāēsā. bassā нэг unūg dāērlidāžā.

— žā! нэг тō бийет хойжир тō саххалт xāēlž jāwā-wāē? — гэгэ asūžā.

— xānā abāxāēg abxā гэгэ jāwnā! — гэгэ.

— sēcix-g¹i jūmēnd sēcīž, sēr xūzūnīxā max¹ig barāw-dā! —

— barāgčik, bāēxčik čamād xamā-g¹i! — гэгэ mōrtō texin éwr sojōγōrō ōlgōt, tēmēnī xūzū gabtāγāndā xīcxāēžā. tēgēt žū xoēši jāwāž wāēsā. нэг čonō jābāž wāēsā.

— žā! нэг тō бийет хойжир тō саххалт, xāēlž jowō? — гэгэ asūsā.

— xānā abāxāēg abxā гэгэ jāwnā! — гэгэ xēlsē.

— sēcix-g¹i jūmēnd sēcīž, sēr xūzūnīxā max¹ig barāw-dā! —

— barāgčik, bāēxčik čamād xamā-g¹i! — гэгэ xēlēt, texin éwr sojōγōrō ōlgōt, tēmēnī xūzū gabtāγāndā xīcx¹āt, žū xoēši jāwāt, xānī oērxō irž jāwāsā.

xānāxi: — нэг тō бийет хойжир тō саххалт irilā! — гэгэ mōrtō noxoēγō: — tū! — gēssē.

noxoën dābxīž irž. tēxlerēn tūlāēya awat tab'ēixsā. tūlāēgin xōgōt jāwēižā. tēxderēn x'anār kūrē iržī. bassā ūnēg'ig tab'ēxāž. ūnēgin xōgōt jāwēižā. tēxderēn xā kūrē iržā. bassā čonō tab'ēxāžā. čon'in xōgōt jāwēižā.

ēdž-ūg'ī xoēyūrīn ēxxēnērīn awat xārīž jāwēižā. amār sāēxānda žarγāžā.

Записано от жителя Хинтойского аймака, калха-монгола Джамбы, в сентябре 1927 г.

2. tō allāk šartē ēmgē

tō allāk šartē tōčyā ēmgē gēž bāēžā.

allāk šarā alž iddēžā. xabīryānī xuyārxaēg gertē idēt barāx-g'ī, gadač idēt barāx-g'ī jumsānžā. iddēx xūnīg'ēr'ed jāwāžā. nēg šazāyāē daērīldažā.

ēmgēnī:

— čī xāēiž jāwa-wāē? —

— allāk šarā alž idsē jumsā; xabīryānī xuyārxaēg iddēž barāx-g'ī, iddēx xūnī ēriž jāwnā! —

šazāyāē:

— bi oēiž idīja! — gēž.

— čī jūgin' idxē wā? — gēž.

— bi ōrōšō n'ūdīn ōxnīn cōbdōltē idnā! —

— čī iddēž xorōx-g'ī, tus-ūg'ī! — gēž cāēši jāwāžā, bassā iddēx xūnī ēr'ed jāwāž. nēg xēr'ē daērīldažā.

— ēmgē xāēiž jāwa? — gēž.

— bi allāk šarā alž idsē jimsā; xabīryānī xuyārxaē barāx-g'ī, iddēx xūnīg ēriž jāwān! —

— bi oēiž idīja! — gēž xēr'ē.

— čī jūgin' idxēw? — gēž.

— ōlīy gēddēsni tassārxaēg ōrōšō n'ūdte'n idnā! —

— o, čī tus-ūg'ī, xorōx-g'ī imā! — gēž. žā, tēgēt cāēši jāwāžā. iddēx xūnī ēr'ed jāwāž. tēxsē nēg mangāt daērīldažā.

— e-xe-xe-xe, ēmgē-gūā xāēiž jāwa? — gēž.

tēxsē:

— allāk šarā alž idsē jimsā. xabīryānī xuyārxaē barāx-g'ī. tā oēiž idnū? — gēž.

— e-xe-xe! —

tēgēž mangādīg daγūlāt gert iržā. nēgē žawižarā max'in, nēg žawižarā jas'in cubūlāt iddēxēž. tēgēt ēmgēnī ūrēt jāwāžā. jāwāž, jāwāž, nēg moddōn dērē amārē. tēxsē ēmgē moddō ūrūlēxēž gertē jāwēxāžā. — emēgē gertē bucat jāwāž wāēž. tēxlerēn xoēnōs jāwat bar'āt abžā. bassā ūrēž jāwāžā.

jāwāž, jāwāž, nēgēn xaddān dērē amāržā. tēxlerēn xaddā ūrūlēxēž ēmgē bucat jāwāžā. mangāt nēl'ē jāwāž, tēxsē tēget:

— ēmgē minī im xūndūlū, im tarγānsā bilū? — gēt ērget xaržā. xaddā ūrēt jāwāž wāēžā.

— a! ēngēt bāēya jū? —

xaddā xajjīlēxāž bucat jāwāžā. ēmgēnīg bār'āt abžā, ūrēt jāwāžā, gertē iržā. gertē irēt:

— xe-xe-xe! — gēž — minī xēdē xūxēt emgēnīgē boγōž iderā! — gēž xēlet tōn'nōs būdī arγāmža ōsōrlōt žūčēxēžā.

— dorōsn jixxē gał tūž boγōž iderā! — gēssē.

tēgēt ōrō gōrōlxō jawē'sā — apdā jāwēiž. tēgsnēsē ēmgē xēižā:

— xūxēt, jixxē xutūya awat āli! — gēž.

awat ōgčā.

ēmgē ōrō čācāyāldāžā. mangādīn xūxēt:

— tosōn gōžīlō! — gēt dołōž.

tēxsēsē sur awat tas ōgtōlōž, tēgēt bōž. mangāt tawā xūxētē imsanžā. tawā xūxēdīn alāž, nēgē jixxē toγō gał dērēn taw'āt čanžā — tawā xūxēdīn max'ig. tawā tołōγōēgin ōrōn dērēn tābižā, xōnžīlōrīn xuēižā. tēxsē barūntē jixxē xarā tēbs'ū bāēžā. tērēnd max'in garγāžā. tēgēt barū urdā tūryā žabsārīn žogsōt bāēžā. tēxsē ōrōē bołži. tēxsē mangāt irž.

— xe-xe-xe-xe! — gēž — minī xēdē xūxēt emgēnīgē boγōt bāēya-jū — gēž. tēgēž xēlet maxxānsn iddēž.

ēmgē:

— ičīgē, ičīgē! xūxēdīnxē maxx'ig iddēdek! —

— xe-xe-xe! barū xanā man' gor'dāž! — gēt nēg xōlīn ōlgōž bassā tēgēt iddēž.

ēmgē gērīn xoēnō garč:

— ičīgē, ičīgē! — gēž — xūxēdīnxā maxxā iddēdek!

— xe-xe-xe! xoētō xanā man' gor'dāž! — nēg xōlīn ōlgōž bassā ōrō iddēž. ēmgē žūntēn' garč:

— ičīgē, ičīgē! xūxēdīnxē maxxā iddēdek!

— xe-xe-xe! žū xanā man' gor'tōē jum bāēx! —

nēg xōlō ōlgōž.

ēmgē ūd'in sōxiž — mangāt xarž, xōnžīlō sōxiž — tawā xūxēdīn tołōē oēiž. ēmgē xōž — mangāt. jixxē mōsūn dērē žugtāž, mangāt xōž wāēyat xāltārž oēiž, saltā xayāčīrč. tēgēt mangāt dorō ūxxēžā. ēmgē gertē iržā, amār sāēxānda žarγāžā.

Записано от жительницы Хинтойского аймака, калха-монголки Цейжице, в сентябре 1927 г.

3

értér cagtä émgë ówgö xojjirín nég xū nég bajji aëld báëžã.

bajjin áel xolïõ nūx bolžã. téxlérén tér xūd nég cáë, nég dálimb, nég xonï ógžã. tère xū xon'õ götlõd, cáë dálimb xojjörö bússendë gab'ulãt xariž jãwãž wãësã.

nég čawýancã nég noxoë aľax gëž wãëžã. tère xū asüžã:

— koxši-guãë, ènë noxoë alž jãxã wã? —

— miní xolï-min' iddečxsim tégët bi aľax gëž jumã! —

téxlérén tère xū:

— tã noxoëyõ bitëgí aľã! bi xon'õ ógžõ! — gëž xëlž tère xū.

téxlérén noxoëyõ tabľexãt, xonin götlõd jãwëžã. tère xū xon'õ čawýancãd ógëxõd, cáë dálimb xojjörö bãr'ãt gülgët jãwž wãësã.

bassã nég čawýancã nég oxõtnã aľax gëž wãëžã. téxlérén tère xū:

— koxši-guãë, ènë oxõtnõ jãxã gëž aľax gëž báëya im bã? —

— miní deli-min' orčixs-imã, tégët aľax gëž báëya imã! — gëž xëlžã.

tëxsë tère xū:

— bi dálimb ógžõ, tã oxõtnõ bitëgí aľã! — gëž.

xëlxlérén dálimbín awãt, oxõtnõyõ tabľexãt jãwëžã. xū gancxã cáëya awãt gërtë kürë iržã.

ëxxën'!

— či jãxã gëž irwã? — gëž xëlžã.

— tère áel man' xolïõ nūx bolõt irľã — gëž xëlžã.

tëxsë:

— čamad jördõ gancãxã cáë ógõ-jü? — gëž asüsã.

— nég xoní, nég cáë, nég dálimb — im gurwã jum óxsõ. nég koxši nég noxoë aľax gëž báëxadãn noxoëyõ bitëgí aľã! gëž xëlsë. tégët noxoëgin tab'ul'ëxãt, xon'õ óxëxõd naësi jãwãž wãësã. bassã nég koxši nég oxõtnõ aľax gëž. wãësã. koxši-guãë, tã ènë oxõtnõ jãxã gëž aľax gëž báëya im? gëž asüsã. miní del-min' orčixsë im. tégët bi aľax gëž báëya jum! gëž xëlxlérén: tã oxõtnõyõ bitëgí aľ bi dálimb ógžõ! gëž xëlët dálimbã ógëxõd irľë gëž xëlsë.

ëxxë ecëg xojjirín urulžã:

— tím saëxã jimã tigëž orëxõd! — gëž urulžã.

šoní nojjir-üg'í, óddõr xol-üg'í, jixxë urulž. nég óddõr:

— žimist ulãnd garë žimist tūž ir! — gëž.

tëxsë tère xū žimist ulãnd očiž žimist tūxeksë, žimist oldõx-üg'í jadãt žimist ul'ín oroë degür ir teši xarãt jãwãž wãësã. xarã ér'ë moyoë, šarã ér'ë moyoë

xojjir nocoldõž wãëž. tère xojjirig arã obõrtën' tãwisar báëyat óddõrig bãrëxãt kürë iržã.

ëxxë ecëg xojjirín:

— žimist tūž ir gexëd, žimist tūž irëx-g'í! — gëž urulž. mög xol-üg'í xonulãt maryãdri óglõ mašši értë žimist ulãnd očiž, žimist tūž irëxeksë žimist oldõx-g'í jadãt, ir teši xarãt žogsõž wãësã.

barū xoënõs uxã mor'toë, ulã dëlte ľam kürë irž.

— čamaëg šar ľusū xãnãxãs kürë ir gëž wãënã! — gëž xëlžã.

téxlérén tère xūntë sundãľãt očižã. šar ľusū xãnd' bãrãľxãš. šarã ľusū xã:

— miní gancã xūnĩ ãmĩnd oršõ, saë xūg, či miní jumnãs ãllĩ durtë imã awõ! — gëž xëlsë.

— xãmbãyaë! tã nad ógij-dõ gëž báëya-boľ, nad ërxenixë xūisig allĩ! — gëž xëlžã.

— čamas ondõ xënd óxõb-dã? — gëž xëlët burū xarãž ulãž, žõb xarãž in'ëž tégët ógëxõžã.

ërxenín xūisig awãt, óndõx' ľamarã žimist ul dëre buľyalžã. tère čigerã gërtë kürë irž. mól gërtxin nëir-üg'í žaginžã. tégëdĩ mög xol-üg'í untãžã. untã-x'íya ujjed tère xū:

— awõ ižĩ-min' ájjãya šanãyar dūren bõbõ žimist, õsõr bučũ-g'í orõg cayã órgõ, tawã gušũ maľ, tím jixxë saëxã jum báëx bolťuyãë! — gëž sanãt, ërxenixë xūisig amãnda óg'xõd untãžã.

óglõ bossõ: awã ižĩxë ájjãya šanãyar dūren bõbõ žimist, õsõr bučũ-g'í orõg cayã órgõ, tawã gušũ maľ — žaxxãn' xarãgdãx-g'ë, tím jixxë oľõ maľ gërin toërõd; tím jixxë malte, tím saëxã gërtë bajji aël bolsõ báëžã.

ëxxë ecëg xojjir xūde ëxxëner abë óxžã. tégët ëxxë ecëg xojjir burxã bolžã. xū nège óddõr aňdã mordõt jãwë-wã. ëxxënerín' gancãrã báëž báëxãt dolõ tangãt kürë iržã.

— ërxenĩ-čin' xūisig, altã šãtãr möngõ šãtãr xojjir belĩ abčirž ógõd, abũ-ja! — gëž xëlžã.

— tigëdã! — gëž xëlžã.

téxlérén' altã šãtãr, möngõ šãtãr xojjir abčirž ógõd, ërxenín xūisig awãž jãwëžã.

xarã xū kürë iržã. xarã xū irxlérín' xëlžã:

— altã šãtãr, möng'í šãtãr xojjörõs ërxenixë xūisig óxëxõdõ! — gëž xëlsë. xarã xūg urulž. tégët untãcãyaž.

óglõ bossõ: gëriŋxë buĩri dotõr xarã xūg gancãrã untãž wãëžã. toërsã ulã đalãë urãstsã báëžã. tawã gušũ maľ, õsõr bučũ-g'í orõg cayã órgõ — tedenũden' jördõ jũë üg'í! gëriŋ'xë buĩri dotõr gũtsã, dëltëgë báëž báëžã. gëriŋ'xë buĩri barū urdã tam'xi tatãt sũž wãësã.

nэг noxoө гүигет иржээ.

— эртэ урдā naddā нэг tus xүргүксэ, одо би чамād нэг tus xүргөхэр ирлā! — гэгэж xэлжээ.

tэxсэ bassā нэг oxötnā гүигөт иржээ.

— эртэ урдā nad нэг tus xүргүксэ, би чамād нэг tus xүргөхэр ирлā! — гэгэж xэлжээ.

tэxсэ bossā нэг moyoө гүигет иржээ.

— эртэ урдā nad нэг tus xүргүксэ, би чамād нэг tus xүргөхэр ирлā! — гэгэж xэлжээ. тигет дорwүлэ болот, moyoө xэлжээ:

— namaэг oxötnoөгө owörtлөт, noxoөгө unāt usčilat gar! — гэгэж xэлжээ.

tэxсэ тэрэ maлuг^н zaxxā тэрэ бару urd үлү urdā xарэгдэж баяа баяжээ. тэрэ одол jāwжээ. оөrxө оөт moyoө xэлжээ:

— oxötnā, чи jāwāt долг tangödinд оөт, эрхэнлхī xүisig xāγүрā оң^хош untnā гэгэж wāenū, тэрнн дүлāt, namaэг baxtxār нүxxэ bosөгү дөгүртн гарγācxāt ир! — гэгэжээ.

téxелэрэн¹ oxötnā гүигет jāwажээ. moyoөгө baxtaxārā нүxxэ гарγācxāt, чэгин² баясж:

— xēxī, xōxō, urd šōnī чи зү xөγүрā оң^хош untsā, онд šōnī би бару xөγүр оң^хош untān! — гэгэж xэлжэ wāэжээ.

tэрнн дүлэхāt, oxötnā күрэ ирж, moyoөдө xэлж. moyoө oxötnā xojjir очиж. moyoө xэлж — oxötn³дө:

— би bögsödn¹ gasxājī, чи amān dorin¹ baxirxādn¹ tossöж awārā! — гэгэж xэлжээ moyoө.

oxötnā téxелэрэн amān dorin¹ баяж wāэжээ. moyoө гучилγānн zabsārār орот bögsödn¹ gasxātхāжээ. téxелэрэн¹ baxirāt эрхэнлхī xүisig алдācxāжээ, oxötnā amānd оөчижээ. oxötnā тоγ-ton¹ sandārāt залixcxāжээ. moyoө күрэ ирж: —

— зā, abэ чадwү? — гэгэж.

— abxāncī awlā, тоγ-ton¹ sandārāt залixcxāлā! — гэгэж.

— abxānlī ābsā болбол залixсā-чи xamā-г¹! — гет xojulā xарā xуγ дэрэ күрэ ирж.

xарā xуγ urdнхī баясж gadzār күрэ ирēt untāжээ. óglō bossā, urd¹лхī janzār байл болсā баяжээ.

tэгет

xutug táwīlx-g¹ max¹ig idet,

xundug táwīlx-g¹ ár¹xig üж,

үлү činэ max¹ig xurāж,

dalāэ činэ ár¹xig abэ,

naēr xār болж.

tэгет amār säēxāndā žarγāжээ.

Записано от жителя Хэнтийского айлака, халха-монгола Джамбы, в сентябре 1927 г.

4. šilγ galzū bātār, ašik tēnek bātār, édзэ bogdö — tere gurw¹ üligēr

manāэ galwī éxxind,
māэдārī galwī tūxend,
énel galwī éxxind,
éxxī galwī tūxend,
sum dalāэ šalbak báēxād,
sūmbūr ülig dowö báēxād,
tarimčī lam¹ig
tārn¹ā butüge-g¹ báēxād,
ižī üjji báēγūlsā
erdēn sūmbūr ültē,
aw¹ üjji báēγūlsā
altā sūmbūr ültē,
arwā üjjend daxxisā
arčī dajančī lamātē,
unūšī-g¹ suwūrakte,
untāršī-g¹ zultē,
altā sūmbūr ül¹ engēr dērē
arwā xojjir xotö-āel báэжээ.
šinī nēgen¹ öddör
barū tal¹ āelās
nэг xū garжээ.
šinī xojjirī öddör
dundā tal¹ āelās
nэг xū garжээ.
šinī gurwānī öddör
зү tal¹ āelās
nэгэ xū garжээ.
arwā üjjend daxxisā
arčī dajančī lamār
abčirž uyāж, arčülž.
barū tal¹ āelī xūγ uyāж ógōt:

— barū garī nojjī! — гет,

— bar¹ā barixād — säэ! — гет,

— dalāэд orxöd — šarγ! — гет,

— dajjind orxöd — colō! — гет,

tim sáexā sūm suwūrāk bosyōt édžē bogdō ažik tēnek batarig:

— arwā ūjjend daxxīsā arēi dajāncī lamās: jamār xūnig awxā, gēž asūyāt ir! — gēž jāwūlžā.

ažik tēnek batar xar morīndō xar jingīyā toxōcx'ōt, xar narāsū tašūrā barīcxāt, xūrx'iygē éxxīnd «pōr» xélékčīksē.

«pōr» xīsē tōsōn'

būg délxīg būtečxēžā,

«pōr» xīsē tōsōndn'

amītā tōrē jāwēlžā.

arwā ūjī daxxīsā

arēi dajāncī lamās gadā očž,

būl-ūg'ī baxīrž,

sūl-ūg'ī xēllēžā.

arwā ūjī daxxīsā

arēi dajāncī lamā

ald altā suddūrīg

awūn nēgen būtežā.

— žū xoēt tēwīg

édželēn'xē tōrōgsē

bał-tómōr xānī

bał-nasū abāxāēg awā! — gēž xēlžā.

tēxderēn mordōt iržā.

— žā, jamār xūnig awā gēž wāēn-wā? —

— žū xoēt tēwīg

édželēn'xē tōrōgsē

bał-tómōr xānī

bał-nasū abāxāēg awwāł sāj bāēn gēž wāēnā!

— xēžē jowō gēž wāēn-wā? —

— maryāšī ōglō jowō gēž wāēnā! — gēž xēlž bāēnā.

— žā! — gēžā.

maryāddrī ōglō maššī erte bosōt édžē bogdō, — tēre gurw'ī morīn' boł, tēngert altā duγ'ī šaryāl morī bāēdāk jumsānžā, —

towrūtēxā xazārā bār'āt,

bołžōt'īn'xī bor tołyoē derē garāt,

dūrāē, dūrāē dałłalžā,

dōrwō ūjjełūlž gašyaržā.

gurā, gurā dałłalžā

gurbā ūjjełūlž gašyaržā.

tēxsē morīn

ōwōsnī serēmūnīg idēm bāēž

ussūnī tungāłāgīg ūn bāēž

čāgīnē.

tołyoēnōrō toγōlsōr

tōsnōsō busxāsār

sūlēre toγōlsōr

sūdērnēsē busxāsār

kārē iržā.

ūryār bārīdāk-g'ī,

uxānār bārīdāk jumsānžā.

xuīwār bārīdāk-g'ī,

xuīw'iyā uxānār bārīdāk jumsānžā.

ūryār bārīdāk-g'ī

urā uxānār bārīžā;

xuīwār bārīl-g'ī

xubilyā uxānār bārīžā;

towrūtāxā xazārīg

tołyoē jūnd tarūlžā;

tūmq langī emelīg

tāssūl xītēr toxōžā;

m'āngā langī xuddury'īg

mirā jūndn' tarūlžā;

dałlā langī tašūrīg

dałaran' unžūlžā;

napčīn sarān gōllōmīg

nān cān talb'ulžā;

narān sarān dōrōg

nān cān giłulžalžā;

urā em'ī xīsā

ulā torγō ollōmīg

ulā cāw'arān

nēxē, nēxē tatāžā;

nēg xurū šigēsxēt,

axī, axī tatāžā,

arwā xurū šigēsxēt tatāžā,

arwā žilī ajjīnd

āōx-g'ixāyā' tatāžā

mórin^hxó saŋ gadā tabižā,
 mórgólin^hxé saŋ gértē tabižā;
 zamin^hxā saŋ gadā tabižā
 žalbīrāx saŋ gértē tabižā.
 žū xoēšī mordōt,
 ajār, ajār ałxālžā
 arūgī činē sēndūl xajjilžā;
 širū, širū ałxālž
 šēčigī činē sēndūl xajjilž.
 bolžot^oi borō tołyoē dērē garē,
 gaŋ bolōt xētīg
 gancā nēgē cabčīžā,
 galžū šarā tamixīg
 gancā nēgē tamtāž.
 tams'āsā utān tal'īg búrxežā,
 ām'itā tōrž jāwčīž wāēžā.

téxsē žū xoēnōs, oroē dērē gancā n'ūdte, nāēmaxā sormōsōkte mangādī
 xūxēt gūlgēt iržā.

xojjīr bātār:

— xēŋ xūnī ūrē,
 xēt nutūk xānā?
 jamār xūnī ūrē,
 jāwā žorīk činī xēnd? — gēssē.
 dūyarx-g^oi bāēžā.

téxēlērēn xojjīr bātār:

— čamāēg dūyarx-g^oi-boł,
 n'ūddī činī xag gasxān! — gēž xēlsē.
 dūyarx-g^oiā bāēžā.

téxēlērēn nāēmā sormōsōgīn žul'ayāt, oroē dērē gancā n'ūd'in xag gasxāc-
 xāžā. téxsē žū xoēšī gūlgēt jāwčīžā. xojjīr bātār xoēnōs, altā bužīmūr bolōt
 jāwčīžā.

téxsē mangādī xūxē tēngēr tułūm xar obōxōēd oēōt orēižā. xojjīr bolžīmūr
 tōn dērē oēōt sūyāt xarsā.

arwā tawā tołyoēte
 atāyalēi xarā mangāt —
 xólin^hxē xumūs
 xóōō tešī gačīsā

góxō tómōr dēgē bolsō
 gar^oin^hxā xumūs
 gadā tešī gačīsā,
 gaŋ tómōr dēgē bolsō,
 órgōx dōrwō sojōn'
 óbčūn' dērē garsā,
 urgūx dōrwō-sojōn'
 urūlas dešī garsā —
 mangāt sūž wāēžā.
 ónōxī xūxē čin' oēōt:
 — āwā, āwā! édžē bogdiŋtēxā iret bāēšū? — gēž xēižā.
 téxsē tērē mangāt:
 — xe-xē, xo-xō! xā-xā garā-g^oi jum,
 xarī žolbī tērē mū-sāē garxā-imū!
 pam pam garā-g^oi jum,
 bāxā žolbī tērē mū
 sāē garxā-imū! — gēž
 jamā búr'ēg tataž
 jambātāngā cūłūlž,
 tēmēn' búr'ēg tataž
 dērgēdēxīg cūłūlž,
 xonīn búr'ēg tataž
 xoēt urdxīyā cūłūlž.

tēgēt gurwā žū cērīkte bolōt, bandā xar xalžā ēlžēgīg unšā.

— gurbā žū cērīkte bolōt tērē xojjīr bātār, édžē bogdō — tērē gurw^oind
 očīxō! — gēž garāt jābžā.

xojjīr altā bolžīmūr édžē bogdōd iržī, bolžot^oi borō tołyoē dērē xēižā:

— ónōx' xūxē-čin' arwā tawā tołyoēte atāyalēi xarā mangātī xūxē bāēšū.
 arwā tawā tołyoēte atāyalēi xarā mangāt gurwā žū cērīk daŋūlat, dāēdax gēž
 kūrē irež jāwnā! — gēž xēižā

xojjīr bātār, édžē bogdō gurbūlā ximārī lūndīg sērgēgēt sūcāyāž bāēžā.
 téxsē žū xoēnōs mōŋ gēxēden, mōŋ bišī, nēg jixxē tōsō man'arž. téxsē arwā tawā
 tołyoēte atāyalēi xarā mangāt tūrūtē gurwā žū cērīk irž jāwžā, kūrē iržā.

mangāt — édžē bogdō, xojjīr bātār, tērē gurw^oig:

— xēŋ xūnī ūrē,
 xēt nutūk-čin' xānā
 j-wō nutūk-činī xānā
 jowō žorīk-činī xēndē? — gēž asūžā.

— xēt nutūk:
 érdēn' sūmbūr ūlī ēngēr dēre bāēn!
 xēb zorīk:
 bał tōmōr xānī
 bał nasā xūx'nīg abxā gēž jāwāž wāēn!
 jowō nutūk:
 érdēn sūmbūr ūlī ēngēr dēre bāēn!
 jowō zorīk:
 bał tōmōr xānī
 bał nasā xūx'īg abxā gēž jāwāž wāēn! — gēž xēlžā mangādā.

mangāt:

— ta gurbātē daētān! — gēžā.

gurbā žū cērīk xojjīr bātārtā bołžōt'ī borō tolyoē ēngēr dēre dāētažā.
 uryux'ī ulā narnār dāētat ōddōr dund'ī ałdād nēg'īēlī ūldēlgēx-g'ī ałxad kūrē
 iržā — xojjīr bātār.

mangāt ēdžē bogdīg
 dab xītēr bār'āt nocōldāžā.
 mangāt ēdžē bogdō xojjīr
 dēd tēbtē od tōlōn nocōldāžā,
 dundā tēbtē dob tōlōn nocōldāžā,
 dōdō tēbtē būž ūndēs tōlōn nocōldāžā,
 arjāwālī ūdēnd
 arwā xonōk nocōldāžā,
 xonsīm boddīsādī ūdēnd
 xorī xonōk nocōldāžā,
 žānraēsēgī ūdēnd
 žarā xonok nocōldāžā.

mangādīg arāē-carāē ēdžē bogdō dorō xīē wāēyat, cēžīn dēren sūyat, bōsū
 ałāž sūžā.

mangāt baxīržā:

— došxī morīnī cōddōr bolōji!
 nomōxō morīnī nogtō bolōji!
 ałtā amī-min' awarāž xāērīlī! — gēž baxīržā.
 ēdžē bogdō mangādā xēlžā:
 — āw'ī tūxēnd ūžēwēl,
 ałāl-g'ī gorī-g'ī!
 ižī tūxēnd ūžēwēl
 ēngēl-g'ī gorī-g'ī! — gēž xēlžā.

arwā tawā tolyoēgīn
 arwā tawā gēsēk abē xajjīžā,
 gandā xarā gēdžēgīn
 gawānī nēg abē xajjīžā,
 bucāx sūnēsīn
 burxā nomū-xā lamād tušažā,
 ērgēx sūnēsīn
 ērlīk nomū-xānd tušaž ogžā.

maxān owō, cussūn dalāē urāsxāt, alēx'āt, xojjīr bātār dēre kūrē irēt gur-
 būlā bał tōmōr xānī cōdō jāwāžā.

bał tōmōr xā x'āyā dayūlāt gōrōlž jāwāžā. bał tōmōr xā ēdžē bogdō, xojjīr
 bātār — tēre gurw'īg:

xēy xūnī ūrē,
 xēt nutūk xānā?
 jowō nutūk-ēi xānā,
 jowō zorīk-ēinī xēnd? — gēž asūwā.
 — jowō nutūk:
 érdēn sūmbūr ūlī ēngēr dēre wāēn!
 jowō zorīk:
 bał tōmōr xānī
 bał nasā abāxāēg abxā gēž jāwnā!
 xēt nutūk:
 érdēn sūmbūr ūlī ēngēr dēre bāēnā!
 xēb zorīk:
 bał tōmōr xānī
 bał nasā abāxāēg abxā gēž jāwāž bāēnā! — gēž xēlžā.
 bał tōmōr xā:
 — xānd ogō-g'ī jum,
 xarī žolbī tānār mū-sāēnd ogx Imū?
 bam-band ogō-g'ī jum,
 bāxā žolbī tānār mū-sāēnd ogx Imū? — gēž xēlžā.
 xojjīr bātār ūrūlž.
 bał tōmōr xānīg
 xojjīr bātār
 ōbōsnūr — ōbōs boltōr,
 širōnōr — širō boltōr ałayādāžā.
 bał tōmōr xā baxīržā: —

— abāyāēgā-ōgij! — gēž-wāēn.

téxlērēn tābēxāžā.

marγad oddōrī ōglō urγux¹ ulā narnār bał tōmōr xānād oēžāē. abāyāēγā ōgžō. nāēr xurīm bolžā. bał tōmōr xā gadžārindēxī dundā xūrtēr garγāž ōgōt bucāžā.

xojjīr bātār, ēdžē bogdō gurwā abāyāēγā dayūlat gērtē iržā.

xutūg tāwil-g¹ max¹ig iddēž,

xundūg tāwūl-g¹ ar¹xīg ūž,

ūlī ēinē max¹ig xurāž,

dalāē ēinē ar¹xī xurāž,

jixxē nāēr xūr bolžā.

ōxōnd durt¹in¹

ōglō bolž

maxxānd durt¹in¹

marγāšī bolž.

jixxē nāēr xūr boiōt

amār sāēxāndā žarγāžā

sāē bolōt gūlcēlā.

Записано от жителя Хантайского аймака, калма-монгол Джамбы, в сентябре 1927 г.

5. gałxā mongōlī xā. ōldēn¹xī xā dāēdsānī ūlγēr

ērtē cagtā ar¹ī xā ōbōrī xā gēž bāēžā. ar¹ī xā — gałxā mongōlī xā. ōbōrī¹xī xā ōldēn¹xīnī xā jumsānžā.

ōbōrī¹xī xā ar¹īn xānīg ałāt, abāyāē xūxēdīn ałāt, ajjāgēin¹ xūxēnīn abāyāētēn¹ awāt, xojjīr xūn xūnē¹n¹ awāt, busūdīn¹ bułtig ałēxāžā. tēget gērtē kūrē iržā.

ar¹īn xānī ajjāgēī xūxē, abāyāē xojjīrīn xūxētē bolžā.

ōbōrī xā xēlž wāēžā:

— ar¹ī xānī abaxāēγās xū garwāl, arwā nāēmā xūrē ērcēl xīsē urd ałān; xūxē garwāl ałāx-g¹ā. ajjāgēin¹ xūxēnēs xūc garsānēī, xūxēnē garsānī ałāx g¹ā! — gēž xēlž wāēžā.

ajjāgēī xūxē ar¹īn¹xā xānī abaxāēd:

— čamās xū garwāl, xūrxēsēn urd ałān gēž wāēn, xūxē garwāl ałāx-g¹ā. ar¹īn xānī ajjāgēin¹ xūxēnēs xūe, xūxēnē garsā ałāx-g¹ō gēž xēlž wāēnā. čamās xū garāt, nadās xūxē garwāl — xōrōndō xojjūlā solīēxān žā! ēi bid xojjīrōs xojjīr xū garwāl — xojjūl xōrōndō solīēxān žā! — gēž xēlēxāt, xēd xonōt bāēγāt xojjūlāngās xojjīr xū garžā. xōrōndōn¹ solīēxāžā.

xojjīr xū arwā dolō xūržā. xojjūl gos morī unāt adū malda jāwāt āēxtār sāē xojjīr xūbūl bāēž wāēžā. tēxsē: — odō ałāx šāxūž bāēγā! — gēž bodōt ajjāgēī xūxē. arγāl tūž jowō jumšīk, aruk ūrgūlēt, sawār war¹āt ajjāgēin¹ xūxē, xojjīr xūg adūnda jāwāt irž jāwxādān¹ ōdōsīn oēōt xēlžā, ar¹ī xānī abāyāēn xūd xēllēž:

— čamāēg arwā nāēm xūrē, ērcēl xīsē urd ałān gēž wāēsā. ēi odō arwā dolō xūrōt wāēγā, odō gancxā žil bolbōl arwā nāēmā xūrlā, tēxlēr čamāēg mōd ałān. ēi ałūlx-g¹ī arγ¹ig ōdōxē gērtē xīwēl dērē! — gēž xēlžā.

tēxsē tērē xojjīr xū boddōžā, jāwāžā.

— žū xoēt tēwig ēdžēlēnxē tōrōgsō cayā ōwgō gēddēk xūnd oēž, uēīr iāw-dalā xēllēwōl jāxsā bol! — gēž boddōž wāēžā.

nēg ōddōr žū xoēsō, cayā ōwgōnd oēž xēlžā:

— namāēg arwā nāēmā xūrx¹ēs-min¹ urd ałān gēddēk, bī ałūlx-g¹ī bāēx¹ī arγ¹ig jāžī xīwēl dērē wā? — gēž asūsā.

— ēi adūnīxā tołγōē xojjīr morīg awāt, gāē-g¹ī sāē šāwxāγāt, marγāddōr ōglō ūxxūrīn¹xē tołγōē sāē šar¹ig nad abēīrž ōg, bī čamād nēg sāē jum xīž ōg¹īl čamāēg nōgōddōrī ōglō ērtē ałān. ēi nōgōddōr ōglō jixxē ērtē būγā awāt, mor¹ō unāt, gērīn¹xē xoēnō mor¹ō xōl tušīxēin¹ bolōt, būγā totōγō dērē barān ēin¹ am¹īn xarūlat tābēxāt gērtē sūžūγārā. ołlō ullūs cūγāt, nēgē jixxē. nāēr bolxō bī. tēxlērēn ēi: — adūnda oēij! — gēt garxāγārā. tēxlēr ēin¹: — čamāēg xū nāērt bāēx-g¹ī bol, ēnē nāēr jāγāt nāēršū im bolōk im! gēž xēlēx bī bī. tēxlērēn¹ ēi: — adū jāwēīnūxēs nāēr jāwēīx im bīšī! — gēž xēlēd l bušūxā garādī, būγā awāt mordōt nāēsā gāē-g¹ī šālamāk zugtāγārā! — im ūg¹ig xēlēt jāwūlēxāžā.

tēget ōnōxī xū gērtē kūrē irēt, adūnīxā tołγōē xojjīr sāē morīg xēlīn x¹alγāsār boγōt tābēxāžā. ūxxūrīn¹xē tołγōē šar¹ig ōwgōndō awāēīž ōxcā. tēget xūrē irēt bāēž wāēsā. ōglō ērtē gēddēgīn xojjīr cōxōr mor¹ō bār¹āt gērīn¹xē xoēnō xōl tušīxēī bolōt būrgēndā nom sādāγā ōlgōēx¹āt, būγā totōγō dērē am¹īn barānēin¹ xarūlž tābēxāt gērtē sūž wāēžā.

tēxsē ołlō ullūs kūrē irēt, nāēr xūr bolžā. tēxdērēn tērē xū:

— adūnd oēij! — gēt garxā gēžā.

tēxlērēn ēcēgēn:

— xū bāēx-g¹ī wōl, ēnē nāēr jāγāt nāēršū im bolōg im! — gēž xēllēžā. tēxlērēn tēr xū:

— adū jābēīnūxēs nāēr jābēīx-g¹ō! — gēž xēlēt bušūxā gēddēk im garāt xoēsō zugtāžā.

tēxlēr xoēnōsōn¹ ołlō ullūs xōžō. žamdān¹ ēxxēn¹ dāērīldāžā, nēgē ūnēsēt xūn¹:

— garā ālī! — gēžā.

tēxlērēn¹ garā ōgēā. ērxī xurūgīn¹ tas ogtōlž awāt jāwēīžā.

tégēdl untāx ógžā.

marγāddrī óglō massī értē bosōt ónōnūnīxī xoēnōs mor'ō unāt jāwāžā.

téré jixxē ūīl arō derē nēg caγā morī xoētō ur'dā xojjīr būrgīn' xog būdā-
čāxsā émēltā morī baēžā. nēgē jābūγī xūγ uruqša jābsā baēžā.

téxēlērēn téré jābūγī xūnī mórōr orōt jābāžā. nēgē jixxē xadān dotōr orē
jābēsā baēžā. tērni mórōr orōt jāwāt wāēsā. tēngēr tułum caγā gēr baēžā, tūnd
orōd jābēsā. nēg ixē tom émēgē ówγō xojjīr baēž wāēžā. orōt:

— bi enē xušūnd irsēr unāx sāē morī, xanīlax sāē érē bēddērē gurwā ži
bolsā. tanāē sāē xū baēwīl nād xēlž ógōžā! — gēž xēlsē.

— manāē nēg xarā xū baēdāk imā. manāē téré xarā xū enē barūntē baēdag
Im. bi čamāēg awāčāt orūlž ógōž! — gēž xēlžā.

tīgēt ónō xarā xū ówγōnīg daγād jābžā. ówγō nēg caγā gērt orūlž; xoēnōnī
nēg orō baēžā. tūnīg sóxōt nēg xūγ awāt xajjīcīxsā. dōšī nēg šatač, nūxxē garžā

— téré nūxōr dōšī jābē! — gēž xēlžā. téré nūxēr orōt dōšī jābžā. téxsē nēg
gurwā gēr baēžā. dundā tal'ī gērtē orōssā nēg xarā xūγ:

— nutuk xānu? xāč jāwāw? — gēž asūsā.

— bi enē xušūnd unāx sāē morī, xanīlax sāē érē bēddērē gurwā žil bolsā.
tanīg nēg sāē xanīlax érē nōxōr jum bolō gēž irsā! — gēž xēlž — bi nēg
čīdēγ'xīnī nēg xānās éčēgīn'xī óšīg xar'ūlāgsā gēž jāwā jumsā, tā nād manāē
éčēgī óšīg xar'ūlcēž ógē bolsōsā bulū? — gēž xēlsē.

— bolnō! — gēžā.

téxēlērēn xojjūlā nēg nēgē sāē mor'ō unāt, nēgē bogtōsō xoēγūr tāw'āt barī
tšā čīdēγ'xī čōd jābāžā.

čīdēγ'xīnī xoēt ur'dā talārīn xūīs tēmtēržā, xojjūlā xoēt ur'dā talārīn jāwā-
xadā nēgēndā xēllēžā.

— či érxī xurū-g'ī xūxē daērīldwōl bitēgī alārā! — gēž xēllēžā.

téxsē xoēt ur'dā xojjīr talārīn xūīs tēmtērēt jābsā.

érxī xurū-g'ī xūxē daērīldāžā. tēgēt tērniγ bogtōsoγdō xīgēt awāž jābžā.

xojjūlā jāwāt nēgē jixxē ūīl zaxxad xūrē irēt ūlžāžā. éx'in garγāž ógōt, čāč
čānāž jāwāž, tēgēt untācaγāžā.

óglō bossā. toērōt nēgē baxā cērēk baēžā. ónōx xarā xū bosōt jābāžā, oīlō
cērīgūdēr gēssēžā. xamōgīn xoētōlt nēgē óndōr kōxē māēxā baēžā; tūnd orōž
jābēsā. xadā xanzān derē nēgē cērīgī bātār baēžā. tūnī simxīgīn' xarē wāēsā.
žūr'xni éxxīnd simxētē xūγ baēžā. tūnīg xarāt gērtē xūrē irēt baēsā.

ussun derē altā saw'ja bārīssā nēg xūγ irž jowō baēžā. téxsē gūīgēt óčžā,
téré xūn derē. téré xūnēsē asūžā:

— či xāčīž jowō-wā? — gēž asūsā.

— téré bātārīg sérēsē, zaxxadōn' én sawātē us'ar uγāč baēdāk jumāl — gēž
xēllēžā.

téxēlērēn téré xūnīg alēx'āt, xubtāsīn ómsōt, ussū-in' bār'āt jābāžā. óčōt us
xīž óxēxāt sēlmērā žūrēxni' éx čōd dūrēxčōt orxīčēxāžā. gērtē xūrē irēt untāžā,
tēdēndā xēllēžā:

— marγāšī bosxōd nēg nēg žaxā utā bāg'āt, māēxānī ac'ālat jābēwōl bīdēnī
jabādāl bātēx bī bī! — gēž xēllēžā.

óglō bossā, māēxānā ac'ālat jābēžā. téxēlērēn tēndē nēg ixē er'ē māēxā
āldēžā. buītārā mordē unāt óčžā. téxsē bātār ūxčōt baēžā. téré bātārī morīn'
awat, māēxānīn' ac'āt jābēžā.

odō gērtē kurē irēt téré nēg xojjīr xaracūl bījē bījēndē nērē ógžā. nēgīn'
šidžīr bātār, nēgīn' érxīm mērgē nērē ógžō. aēlī xonī xulγāč xīdēgīm šidžīr
bātār, ūllūsās žuqtāž gardāgīm érxīm mērgē.

šidžīr bātār ajjīnd jābāžā. érxīm mērgē gērtē wāēž. ūllūs šūgīldāžā.

— érxīm mērgē, šidžīr bātār xojjīr xēγ dīlsnīg alān? — gēž kēlcēž baēγā.
bāēntlā ūllūs xēlcēdl bāēx bolžōč.

téxēlērēn érxīm mērgē šidžīr wātārīn'xā irēx žamdān' būγā awāt kēbtēž
wāēžā.

šidžīr bātārī nāēmā tal'dā coγxōtē žūžānd orōt, nāēmā xūnēr damnūrōgdūlat
urto ér'ē bū óbōr derē xōndōlō tābīčxāt megžēm unšāt jābāž wāēžā. téxēlērēn
amā xuzū, xatā xūžū xojjīrīn'xān' dundā bār'āt būdāčxāžā. téxēlērēn šidžīr bātārī
toīγōč ón'xōrčōt jābēžā. šidžīr bātār toīγōčōγō bārīž abxā gēž nēg šūrsnī āldāč-
xāžā. tīgēt būnīxān' žamāgīn' būdat, érxīm mērgēnī māīγāēn'xān' orōēg tas
būdāčxāžā. tīgēt šidžīr bātār ūxxēžā.

érxīm mērgē nojžō bolōt, éxxē éčēgīnēxē óšīg xar'ūlat ixē āčxtar nojžō
sūγāt amār sāēxāndā žarγāžā.

Записано от жителя Хэнтэйского аймаса, колхоз-монгол Джамбы, в октябре 1927 г.

6. arsālā caγā xā

manāē galwī éxxīnd,
māēdarī galwī tūxēnd,
ēnēl galwī éxxīnd,
éxxīl galwī tūxēnd,
īžī ūjīl bāēγūlsā
ērdēn sūmbūr ūltē,
aw'ī ūjīl bāēγūlsā
altā sūmbūr ūltē
arsālā caγā xā gēž baēžā.
daγ caγā mor'tōč
daγsūrū albatātē jumsānžā.

dansürü albatän' jum-g'e xösä jumsänžä. šar'ī dajančy lamäs ūrdī xünēs guixā daŋ cayā mor'ō unāt, aldä šar xaddag awāt iriŋtē bullügi éxēr, dalläntē bullügi adāyar, jixxē dałaē zaxar jābāž bāēžä.

xarä ér'ē mélxī, šarä ér'ē mélxī xojjīr nocōldaž wäēžä. xarä ér'ē mēllēxi dabxīn uxūt xīž dałaēd orē jābcīžä. šarä ér'ē mēllēxi šar'ī dajančy bolōt ūžä.

— ūrdī xünēs aly! — gēž xēlžä.

téxsē:

— dałaēd orē jābcīžä xarä ér'ē mēllēxi abē ōgūl, ūrdī xünēs ōgnō! — gēž xēlžä.

— bi xōl-ūg'ī mor'ū dałaēd orē jābsä xarä ér'ē mēllēxi bi jāžy abē ōgxō wā? — gēž xēllēž.

téxsē:

— ēi iriŋtē bullügi éxxīnd, dalläntē bullügi adāyt jür'ū gurwā altā ul'āsā-dur jör'ū gurwā buzār tolyōē bī. tūnig abēirat dałaē dotōr — xajjīrārā gatāž, xarä šawārārā urās! — gēt xajjīxarā, xajjīrārā xatāž, xarä šawārārā urāsxa bī bī. xarä ér'ē mélxī dabxīn uxūt xīž garxā bī bī. minī altā całāmī-minī xajjīc-xarā: ōsōrlōt irēx bī bī! — gēž xēllēžä.

téxelerēn iriŋtē bullügi éxēr, dalläntē bullügi adāyar, jür'ū gurwā altā ul'āsā dērē otēsā.

jür'ū gurwā buzār tolyōē bāēžä. tūnig awāt, dałaēd abēirat:

— xajjīrārā gatāž, xarä šawārārā urās! — xajjīcīxsā.

xajjīrārā xatāž, xarä šawārārā urāsē xarä ér'ē mélxī dabxīn uxūt xīž garžä. altā całāmīn' xajjīcīxsā, ōsōrlōt iržä. šar'ī dajančy lamād awācat ōxēxāžä.

šar'ī dajančy lamā:

— tēngri tawā dāgīnāsīn xamāgi osōyō sāēxā sam'jar tungālāk abaxāēg ōgnō. ēi mar'yaddrī ōglō értē jör'ū gurwā altā ul'āsā-dur kēbtēž wāē. minī altā całāmī-minī awāt bāēž ōgōrō. tabā ōng'ī sollōngōnī xamāgi sūlī sollōngōntōē xajjārā! — gēž xēlžä.

téxelerēn xamāgi sūlī sollōngōntōē xajjīžä, sāēxā sam'jar tungālāk abaxāēg awāt iržä. téxelerēn daŋ cayā morīndō sundalēx'āt, šar'ī dajančy lam'ind awācat, altā całāmīn awācīž ōgēxōt, gēr ōdō iriŋtē bullügi éxēr, dalläntē bullügi adāyar, jixxē dałaē zaxar gēr ōdō suntār xarāēlyāž, suntār guīdat gērtē kūrē iržä.

burxānīxa urdā sūlyāt, gurwā šōnī gorwā ōddōr gal tūlž taxxīžä.

téxelerēn:

— manāē albatīn'xas gurw'ī šōnī gurwā ōddōr gal garlā! jamār ajūl bolō jum? oēlž ūžēt ir! — gēž nēg x'ā jāwūlžä.

tērē x'ā oēōt iržä.

— šar'ī dajančy lam'īn'xas ūrdī xünēs guīc oēisā. tēngri tawā dāgīnāsīn xamāgi osōyō sāēxā sam'jar tungālāk abaxāēg ōxžä. tūnig abēirat burxānīxa ur'da gurwā šōnī, gurwā ōddōr gal tūlž taxxīž bāēya jum bāēna! — gēž xēlžä.

téxelerēn x'āg:

— ir ge! gēž xēlžä.

nēg x'ā oēlž.

— čamāēg irē gēž wāēn xambūyāē gēž xēlž wāēna! — gēž xēlžä.

téxelerēn oēlžä.

— žā, ēi abaxāēya minī ūrdēn' čōxxōm boddīst xūt-min' ōgūl bolxū? — gēž asūsā — bi čamād ōsōr būcī-g'ī or cayā ōrgō, tawā gušū mał tastāž ōgō! — gēssē.

— bolōn! — gēžä.

ōsōr būcī-g'ī or cayā ōrgō tabā gušū mał tastāž ōgōt abaxāēgīn' xūde abē ōxžä.

téxsē tōr'ī dōrwō tūššīmēl, xalyānī mū xarä ōwgō šiwšīrīn gēltēžä:

— ūrdēn' čōxxōm boddīst xū, sāēxā sam'jar tungālāk abaxāēg ēnē xojjīrig nēg'īn' ałnā! — gēž xēlcēžä.

téxelerēn xalyānī mū xarä ōwgō xēlžä:

— manāē xušūnī barū ur'da tal'īg dāēnda idēxāžä. cērēk mordūlsā dawāx-g'ī, tanāē xū mordūlxā dawāx im gēnē! — gēž xēlžä.

téxelerēn tērē xūnī morīn' bol — tēngert altā duy'ī šar'yāl morī bāēdag imsānžä.

bolžōt'īn'xā borō tolyōē dērē garē,

dūrāē, dūrāē dallalžä

dōrwō ūjjełūlž gašyaržä,

gūrāē, gūrāē dallalžä

gurwā ūjjełūlž gašyaržä.

morīn'

ōwōsnī serēmōnīg

idēn bāēž čāgīnē,

ussūnī tungālāgīg

ūn bāēž čāgīnē,

sūlnērē toyołsōr

sūdērnēsē busxāsār,

tolyoēnōrō toyołsōr

tōsnōsō busxāsār,

kūrē irž.

ūryār bārīl-ūg'ī

urā uxānār bār ʒ,
 xūīwar bārīl-ūg *i
 xuwīlʒā uxānār bārīʒ.
 tāwrūtēxā xazārīg
 toʒoē jūndan' tarūʒ,
 tūmū laŋgī emēlīg
 tūssūl xītēr toxxōʒ,
 ʒū laŋgī xuddūy'īg
 nurū jūndan' tarūʒ
 dālīā laŋgī taš'ūrīg
 daʒaran' unʒ'ūlʒā
 narān sarān dōrōg
 nān cān gēlūlʒālʒā;
 napēin sarān gōllōmīg
 nān cān tālb'ūlʒā,
 ʒarā kasak tērgīg
 ʒāē-g'ī oqsōrūt
 ʒaxā gancā tērgēnēs
 cangaē būtār ujjācxat

abāxāēdā dōrwō dabxār šir'mī bāēšī bosyōt tūm dotōr xīgēt cōʒīlēxāʒā. abā-
 xāē nēg altā bilērk ōxʒā xūde. xū:

mōriŋ'xē sangā gada tāw'āt,
 mōrgōliŋ'xē saŋ gērtē tāw'āt,
 ʒam'īŋ'xā saŋ gada tāw'āt,
 ʒālbīrāx sangā gērtē tāw'āt
 barū uruʒī mordōt jāwaʒā.

xūnī toʒoēgīn' dald orxōlōr xālyānī mū xarā ōwgō sēlīm bārʒ orē irʒā.
 xānd:

— utāšī cīnē ulā goʒōndō xāērtē jū, ulā ʒīnsēndē xāērtē-jū — gēʒ asūsā.
 — ulā goʒōndō xāērtē! — gēʒ xēlēt ulā ʒīnsīg širēn dērē tāwīxāt bossōʒā.
 tēxēlērēn' gēndū sambū nērtē nojjō bolōt sūcxāʒā. arsalā caŋā xānār xā-
 lyānī mū xarā ōwgō xīʒā, tōr'ī dōrwō tūssīmēlērēn' dōrwō x'ānār xīʒā, x'ānārā-
 rān' tōr'ī dōrwō tūssīmēl xīʒā, dōrwō dabxār šir'mī bāēšīnī dōrwō taʒdan' dōrwō
 tērēg čulū owōlʒā, tuʒūg čilē xāēlūlʒā, tuʒūm ulā bolʒōʒā. altā ganʒīra xāēltār
 gurwā xonog xūl'ēʒā, bolx-g'ī bolxōlērīn' jābāʒā. nisēt xonī mū borōlʒōē xū
 dērē oēlʒā.

— ūrdēn' čoxxōm boddīst xū ēgūnīg ūxxūl-g'ī irēwōl cī xēlēxārā: — čamaēg
 toʒoē gēʒ dald orxōlōr xālyānī mū xarā ōwgō — utāšī cīnē ulā goʒōndō xāērtē
 jū, ulā ʒīnsēndē xāērtē jū? — gēʒ sēlīm bārīʒ orē irsē. — utāšī cīnē ulā goʒōndō
 xāērtē — gēt ulā ʒīnsē širēn dērē tābīxāt bossā. xālyānī mū xarā ōwgō gēndū.
 sambū nērtē nojjō bolōt sūsā. awār-čīnī xālyānī mū xarā ōwgō bolʒā ā. tōr'ī
 dōrwō tūssīmēlēr dōrwō x'ānārā xīsē, x'ānārār-čīnī tōr'ī dōrwō tūssīmēl bolʒāʒā,
 dōrwō dabxār šir'mī bāēšīnī dōrwō taʒdā dōrwō tērēg čulū owōlʒā; tuʒūg čilē
 xāēlūlʒā, tuʒūm ulā bolʒāsā. bi altā ganʒīra xāēltār gurwā xonog xūl'ēgēt, bolxō-
 g'ī bolxōlērīn' bī nisēt ēngōʒ jāwānā. cī ūrdēn' čoxxōm boddīst xūg ēnūgēr irēwōl
 namaēg: — šar'ī dajānēl lam'ī dērē arwā sarā xūl'ēn — gēʒ bāēšā gēʒ xēlērā! —
 gēʒ xēlēʒ, gēʒ xēlēt nisēt jābēlʒā.

tūnēs xoēšī ūrdēn' čoxxōm boddīst xū ūxxēē xatāē čotōrī-g'ī, ērgēt nēgē
 nāsā jāwē wāēʒā.

nēg oʒlō ūxxēr dāērlīdāʒā.

— jamār xūnī sūrūk maʒ? jamār xūnī albatū? — gēʒ asūʒā.

— gēndū sambū nērtē nojjīnī sūrūk maʒ wāēn! — gēʒ xēlʒā.

tēgēt caēšā jāwāʒ wāēšā. nēg oʒlō xonī dāērlīdāʒā.

— ʒā, jamār xūnī sūrūk maʒ wā? jamār xūnī albat aw? — gēʒ asūʒā.

tēxēlērēn'!

— ērtē urdā arsalā caŋā xānī albat jumsā. odō gūndū sambū nērtē nojjīnī
 albat bolōt jāwāʒ wāēnā! — gēʒ xēlʒā.

tēxēlērēn'!

— cī xonīnī mū borōlʒōē xū mōnū? — gēʒ asūʒā.

— mōŋ bāēnā! tā urdānī čoxxōm boddīst xū mōŋ bāēnū? — gēʒ asūsā.

— mōŋ bāēnā! odō manāxā jasā bī? — gēʒ asūsā.

— tanīg toʒoē-čīn' dald orxōlōrē xālyānī xarā mū ōwgō sēlmē bārīʒ orē
 irsē. — utāšī cīnē ulā goʒōndō xāērtē jū, ulā ʒīnsēndē xāērtē jū — gēʒ asūsā. —
 utā-ī cīnē ulā goʒōndō xāērtē gēʒ, ʒīnsētē maʒāyāēya tūšīlēgē dērē tābīxāt bosō.
 tēxēlērēn' gūndū sambū nērtē nojjō bolōt sūsā. awō iʒī xojjīrōr čīn' bol'ī bol,
 bosōyōnī jorōl, xālyānī mū xarā ōwgō xīsē, tōr'ī dōrwō tūssīmēlēr dōrwō x'ānārā
 xīsē, x'ānārār-čīn' tōr'ī dōrwō tūssīmēl xīsē, dōrwō dabxār šir'mī bāēšīnī dōrwō
 taʒdan' dōrwō tērēg čulū owōlʒā. toʒoē čilē xāēlūlʒā, tuʒūm ulā bolʒāsā. abā-
 xāē altā ganʒīra xāēltār gurwā xonog xūl'ēsē, bolxō-g'ī bolxōlērēn' nisēt naē
 ēngōē ēngōē xēlēt šar'ī dajānēl lam'ī dērē — arwā sarā xūl'ēn — gēt jābēlʒā. ōnō
 bī jū, bāēx-g'ī jū mēdēx-g'ī! — gēʒ xēlʒā.

tēxēlērēn'!

— ēnūgēr jābāʒ wān gēʒ — awā iʒīd-min' bītēgī xēlērē! — gēʒ xēlʒā.

tēxxī mōrtō šar'ī dajānēl lam'īrū jāwēlʒā. šar'ī dajānēl lam'īnd oēōt asūʒā:

— caŋā sam'jar tuŋgālak abāxāē xāēšī jāb-ā bā? — gēʒ asūsā.

— ar'i gušil zandā modōn dērē arwā sarā xūl'en gēz xēlet alī ertēt jāwēšā.
 ǝnǝ bī jū, g'i jū mēddēx-g'i! — gēz xēlžā.

téxələrēn ar'i gušil zandā modōn dērē dābx'āt otēsā.

bāēx-g'i bāēžā. ar'i gušil zandā modōnī orōē dērē ald altā bičik bāēžā.
 tērnig awat ūzēžā:

— tēngērt gadsā. minī xoēnōs tūrtē morī jāwat xūrx-g'ē, tōrsū šuwū nisēt
 xūrx-g'ē, kollō gadzār jābsā — gēssē bičik bāēžā.

tūnig ūzēt ulžā, sūžā.

morīn'!

— ollōmō čāngāxā tatāt mordōcxō! — gēz xēlžā.

téxələrēn ollōmō čāngāxā tatāt mor'dācxāžā. téxsē nisēt tēngērt garāt
 jābēžā. tēngērt altā xas'atē mōngō ongocōtē xuddūk dāērīdāžā. tūnd mor'ō
 uslat sūž wāēžā.

téxsē žū xoēnōsō xūrē morī unsā, xūrē dēltē xūxē kūrē iržā. altā saw'a
 bārīssā.

— žā xū minī, ēnē xuddūk jamār nērtē xuddūk bī? — gēz asūsā.

— dorōndō nēg abāxāē bužartāž iršimā. tūnig uγāž arēž bāēdāk xuddūk
 ima! — gēz xēlžā.

— bī us ūγāt ōg'ō! — gēz xēlžā.

téxələrēn' altā saw'aγā ōxcāžā. us ūγāt dotōrīn' altā bilēigē xīgēt jāwūlē-
 xāžā. awācat uγāž bāēsā, altā bilēik gēlōs xīgēt ōčēžā. téxələrēn tūnig ūzēt:

— ǝnǝ ōddōrī us absā ajjāgēy jamār xūγ bē? — gēz asūsā.

xūrē torγō dēltē xūxē:

— bī bāēna! — gēz xēlžā.

— čamād ǝnǝdōr us abxād čin' ussūn dērē xūγ bāēnū? — gēžā.

téxələrēn'!

— nanāsn' xarxā-im bof — nadās jixxē bujantē xūγ bāēn, canāsn' xarxā im
 bof — caglāšī-ūg'i jixxē bujantē xūγ bāēntlā! — gēz xēlžā.

téxələrēn:

— tērē xūnī bāēwāf ir gē! — gēz xēlžā — ǝnǝxī xūnī ōčōt awād irē! —
 gēz xēlžā.

téxələrēn' ǝnǝx'nī ōčōt awāt iržā. téxsē ūrdēn' čoxxōm boddīst xū mōγ
 bāēžā. téxələrēn' nēg jixxē nāēr xūr bofžā.

gurwā xon'ot morōē irēksē. morīn': ūsūn ūrēž, jassān jaržāž, n'ūdīn'
 xon'x'ōγōt, ūxxūn aldat bāēžā.

— ižīgī min' bāēx-g'īd ižī wolsā, aw'īmin' bāēx-g'īd awā wolsā, altā duγ'i
 šarāk morī min' jāγa bilē? — gēz xēlsē.

— awā ižīgē čī jāγa bāēγa gēž sanāž wāēn wā? čamāēg jāwax-g'ī bof bī
 jāwāfā! — gēz xēlžā.

téxələrēn' ōčēž xēlžā:

— morī min' ūsūn ūrēt, jassān jaržāž, nūdīn' xon'x'ōγōt bāēna! — gēž
 xēlžā.

téxələrēn'!

— bī irser xā awā, xatā ižīd barālx-g'ī bāēγa; bī ōčēž ulžāja! — gēž
 xēlžā.

tēgēt jāwat ōgžā.

darax nārī xūg dū dūlžā. xū ōčēžā.

— tērē barūntē dorwō dābxār širīmī tūšīyγ dērē sū! — gēž.

ūgēn': tūn dērē togtāsā xūnd tērē abāxāēg ōgdēk imsānžā. tērē xū sāēxā
 togtāžā. tērē xūde abāxāēγa ōgžā. tērē xūg abāγāētē xojūlā dorō orōndō, ar'i
 gušil zandā modōn dērē būlγāž ōgžā.

ollō x'ānār ar'i gušil zandā modōn dērēs xū gēr ōdō tūrūlžā.

— minī xoēnōs buγū alsā gadzār ūdlērē, suγū alsā gadzār untārā! — gēž
 xēlžā.

tīgēt jāwēžā. gērtē ōerxā kūrē irēt mor'ō gētēndē xīgēt, borīwōrō borō
 ēsēg'i cubūlat jāwāž wāēsā.

gūndū sambū nērtē nojjō garē šēž jāwāžā.

— ēnē ūnēsē dērē jamār mūxāē amītā jāwa jum? čāēsīn xōčxō! — gēž
 xēlžā.

nēg x'ā kūrē irž:

— tanīg čāēsā jawō gēž bāēna! — gēž xēlžā.

téxələrēn'!

— ōstōč jum jowō jum, ōs-ūg'īčē jum jowō jum! — gēž xēlž jāwāžā.

— čātxā mūčy jū gēž bāēn wā? — gēž.

— ōstō jum jāwa jū, ōs-ūg'ī jum jāwa jū! gēž xēlž wāēna!

— čātxīγā nāēsī irgē! — gēž xēlžā, ōčēžā.

— čamāēg nāēsīr gēž xēlž wāēna! — gēž xēlžā, ōčēžā.

gūndū sambū nērtē nojjō:

— žā, čī xāčēž jowō bē? — gēž xēlžā.

téxələrēn'!

— nad jowō-g'ī, ūzē-g'ī gadzār bāēx-g'ī! — gēž xēlžā,

téxələrēn'!

— čamād ūrdēn' čoxxōm boddīst xū gēddēk ūxxēsē gatsā jum ūzōkdō-g'ī
 bīž? — gēž asūžā.

— alī ertēt jassā, ūxxēsē jassā, ūsūnčy bāēγa gēžū? — gēž xēlžā.

téxələrēn'!

— jasā sāčē ūgētē xūm bā! dešy sū! xonī tōxōr! xon'nī ūz čānc ōg! — gēž
 xēlžā.

téxələrén¹ xonī tóxōrē, xon¹nī ūz čānē óxē. xójjír tal¹í jixxē ogtlōt gadzārt unayāt éxxē écég xójjírdō nēgē nēgērēn awat óxžā. téxələrēn gundū sambū nērtē nojjō:

— éné xójjír mī bōld jūnd abē ógō? — gēž xélžā.

— xā gēmēn — tand ógxō, gasār usūr gēmēn — noxoēd ógxō! — gēž xélžā. téxələrēn¹:

— jasā unē ūgētē xū! dešī sū, xōl id! — gēž xélžā.

téxələrēn¹ dešī sūyat xōl itēxāžā. tīget:

— bī untāx áčl bāēnū? — gēž xélžā.

téxələrēn¹:

— manāē bōlīnd očž unt! — gēž xélžā.

tīgēt éxxē écég xójjírindō očžā. éxxē écég xójjírīn jixxē uflāžā.

— tānārīg jādāk? — gēž asūžā.

téxələrēn¹:

— óglō értē bosō gēž xēllēdēk — gēž xélžā.

marγaddūr óglō:

— bōlī bōlūt bosō! — gēž baxīržā — bidnī nar garž wāēn, tanārī nar šingēž

wāē!

tērē xū bosōt, — xalyānī mū xarā ówǵō bāēwōl garāt irē! — gēž xélžā.

āēx¹īqxā érxīnd uxūs xīgēt ūxūgīndē orē jābēžā. éxxēnērīn garāt:

— ālī értēt ūxūtī dāēnd mordsā, ūxxēž, gatāž žāžārō bāēya! — gēž xélžā.

téxələrēn¹ abdārīndā orē jāwēžā. bassā garāt:

— ālī értēt abdārtī dāēnd mordsā, allāk žilyk bolō bāēxā! — gēž xélžā.

téxələrēn¹ garāt iržā. téxələrēn én dērēn¹ bārīž awat, dōrwō dabxār šir¹mī

bāēšī dotōr xīgēt, dōrwō taldān¹ dōrwō tērēg čulū awatē, tulγā čilē xāčlūž, tulūmū ulā bolγōt alčxāžā.

tīgēt awāxāēn¹ kūrē irēt amār sāēxandā žarγāžā.

Записано от жителя Хэнтийского аймака, халха-монгола Джамбы, в октябре 1927 г.

ПЕРЕВОДЫ

1. РОСТОМ В ПЯДЬ, С БОРОДОЙ В ДВЕ ПЯДИ

В прежнее давнее время жил [некто]¹ по прозвищу «Ростом в пядь, с бородой в две пяди».

Был у него для прочистки курительной трубки крючок — рог горного козла и кисет [из шкуры с] верблюжьей шее. Был у него ненастигаемый вихрем саврасо-пестрый конь и ненастигаемый ветром желто-пестрый конь.

— Так вот, заберу супругу хана! — сказал тот Ростом в пядь, с бородой в две пяди, сел на своего ненастигаемого вихрем саврасо-пестрого коня, заткнул за пояс свой крючок — козлиный рог, привесил свой кисет — верблюжью шею и поехал на северо-восток.

Повстречался заяц и спрашивает Ростом в пядь:

— Куда отправился?

Тогда говорит Ростом в пядь:

— Еду супругу ханскую забрать!

На это заяц:

— Пожелавши то, что желать невозможно, собьешь лишь мясо хребта и шею!

— Погибну ли, останусь ли, — тебя не касается! — сказал и тотчас подхватил [зайца] своим крючком — козлиным рогом, запрягал в свой кисет — верблюжью шею и поехал.

Повстречалась еще лисица.

— Ну, Ростом в пядь, с бородой в две пяди, куда отправился? — спрашивает она.

— Еду супругу ханскую забрать! — говорит.

— Пожелавши то, что желать невозможно, собьешь лишь мясо хребта и шею!

¹ В квадратные скобки заключаются слова, не имеющиеся в монгольском тексте, но внесенные переводчиком для большей ясности.

В круглые скобки заключаются буквальный перевод имен собственных. При этом в буквальном переводе имена даются только раз, — когда они встречаются впервые.

— Погибну ли, останусь ли, — тебя не касается! — сказал и тотчас подхватил [лисицу] своим крючком — козлиным рогом и запрягал в свой кисет — верблюжью шею. Затем поехал он на северо-восток. Идет волк.

— Ну, Ростом в пядь, с бородой в две пяди, куда отправился? — спрашивает.

— Еду супругу ханскую забрать! — говорит.

— Пожелавши то, что желать невозможно, собьешь лишь мясо хребта и шею!

— Погибну ли, останусь ли, — тебя не касается! — сказал он и подхватил [волка] своим крючком — козлиным рогом, запрягал в свой кисет — верблюжью шею и поехал на северо-восток. Он ехал, приближаясь к хану.

— Ростом в пядь, с бородой в две пяди приехал! — заговорили люди хана и тотчас же направили своих псов. Псы их прискакали. Тогда он взял и выпустил своего зайца — помчались, преследуя его зайца. Затем подъехали придворные. Опять выпустил свою лису — помчались, преследуя его лису. Тогда прибыл хан. Снова выпустил своего волка — помчался [хан], преследуя его волка.

В отсутствие хозяев, втихомолку он забрал его жену и поехал обратно. В покое и благополучии он наслаждался.

2. СТАРУХА С БЫКОМ, ИМЕВШИМ ПЕСТРИНЫ В ПЯДЬ

Жила-была старуха по прозвищу Точихан. Был у нее бык с пестринами в пядь. Убила она своего пегого быка и стала есть. Обломок ребра и дома ела — не могла прикончить и вне дома ела — не могла прикончить. Пошла искать, кто бы поел. Повстречалась сорока.

— Ты куда идешь? — [спрашивает] старуху.

— Убила своего пегого быка и ела. Обломок ребра не могла съесть. Иду ищу кто бы поел!

— Я пойду поем! — говорит сорока.

— Ты что будешь есть? — говорит.

— Я съем один глаз его с мелкими кусочками жира!

— Ты, поевши, не убавишь! Бесплезно! — сказала и пошла дальше снова ища, кто бы поел. Повстречалась ворона.

— Старуха, куда идешь? — говорит.

— Убила я своего пегого быка и ела. Обломок ребра не могла прикончить! Иду ищу, кто бы поел!

— Я пойду поем! — говорит ворона.

— Ты что будешь есть? — говорит.

— Обрывок тонкой кишки и один глаз его съем!

— О! Ты бесполезна, — не убавишь! — говорит.

Ладно. Тогда пошла дальше; пошла искать кто бы поел. И вот повстречался Мангат.¹

— Э-хе-хе-хе! Почтенная старуха, куда идешь? — говорит он.

— Убила своего пегого быка и ела. Обломок ребра не могла прикончить! Не пойдете ли вы поесть? — говорит она.

— Э-хе-хе!

Тогда повела Мангата. Пришли они в юрту. Одним уголком рта мясо, другим уголком рта кости — одно за другим съел. Затем он взвалил на спину старуху и пошел. Шел, шел и стал отдыхать у одного леса. Тогда старуха взвалила [на Мангата] дерево и пошла к своему дому. Старуха шла обратно к дому. Так вот, отправился он за нею следом и схватил. Снова взвалил на спину и пошел. Шел, шел и стал отдыхать на одной скале. Тогда старуха взвалила [на него] скалу и пошла обратно. Мангат порядочно прошел и говорит:

— Разве такой тяжелой, такой разжиревшей была моя старуха?!

Оглянулся, — оказывается идет, взваливши на спину скалу.

— А! Так оказывается!

Кинул скалу и пошел обратно. Схватил старуху, взвалил на спину и пошел. Пришел домой.

— Хе-хе-хе! — говорит он, прийдя домой.

— Детки мои! Приготовьте старуху да ешьте!

Сказав так, привязал к дымоходу толстый аркан и повесил [старуху].

— Разведите под нею большой огонь, приготовьте и съешьте! — говорит. Затем сам он отправился охотиться — на охоту пошел. Тогда старуха говорит:

— Детки, дайте-ка большой нож! — говорит она. Подали. Старуха испражнилась, а мангатовы детки стали лизать, говоря:

— Масло потекло!

Тогда взяла она и перерезала ремень и слезла.

Мангат имел пятерых детей. Она убила его детей и, поставив на огонь большой котел, сварила мясо детей. Пять голов их положила на постель и прикрыла одеялом. Так вот, в западной части юрты было большое черное корыто. В него она выложила их мясо. После того она встала в промежутке юго-западной стены. Затем наступил вечер. Тогда пришел Мангат.

— Хе-хе-хе, — говорит, — детки мои, приготовили ли вы свою старуху?

Сказал так и стал поедать их мясо, а старуха:

— Стыдись, стыдись! Пожиратель мяса своих детей!

¹ Мангат — сказочное плотоядное чудовище, питающееся мясом и кровью человека.

— Хе-хе-хе, западная стена моя завидует! — говорит он. Повесил [на стену] одну их ножку и снова стал есть. Старуха зашла с северной стороны дома.

— Стыдись, стыдись! — говорит. — Пожиратель мяса своих детей!

— Хе-хе-хе, северная стена моя завидует! Повесил одну их ножку, а сам снова стал есть. Старуха зашла с восточной стороны.

— Стыдись, стыдись! Пожиратель мяса своих детей!

— Хе-хе-хе, — говорит он, восточная стена моя завидует! Повесил одну ножку. Старуха приоткрыла дверь, — Мангат увидел; приподняла одеяло — головы пятерых его детей скатились. Мангат погнался за старухой. Она бежала по большому льду. Преследуя, Мангат поскользнулся, упал и разбился. Затем Мангат умер. Старуха пришла домой. В покое и благополучии она наслаждалась.

3

В давнее время в одном богатом айле¹ жил сын старика и старухи. Богатый айль должен был далеко откочевать. Тогда дали тому мальчику [за работу] одну плитку чая, один кусок далимбы² и одну овцу. Он засунул за пояс свой чай и далимбу и пошел домой, ведя свою овцу.

Одна чабанца³ собиралась убить свою собаку.

— Почтенная старуха! Зачем убивать эту собаку? — спросил тот мальчик.

— Съела мою еду — за это я хочу убить!

Тогда тот мальчик:

— Не убивайте вы собаку! Я свою овцу отдам! — Так сказал он.

Согласно сказанному им, отпустила свою собаку и пошла, ведя его овцу.

Отдавши чабанце свою овцу, тот мальчик схватил чай, далимбу и побежал.

Оказывается, еще одна чабанца собирается убить охотну.⁴

Тогда тот мальчик:

— Почтенная старуха! Зачем хотите вы убить эту охотну?

— Разорвала мой халат — за это и хочу убить! — говорит.

На это он сказал:

— Не убивайте вы охотну! Я свою далимбу отдам!

Согласно сказанному им, взяла его далимбу, отпустила свою охотну и пошла.

Мальчик взял свою единственную плитку чая и пришел домой.

— Ты зачем пришел? — говорит его мать.

¹ Юрта.

² Далимба — бумажная материя.

³ Чабанца — буддийская монахиня. Женщина, давшая монашеские обеты, но живущая у себя дома за отсутствием желских монастырей в желтошапочной буддийской секте.

⁴ Охотна — небольшой грызун — пищуха.

— Пришел потому, что тот айль наш должен далеко откочевать! — говорит он.

Тогда спросила:

— Разве тебе вообще одну плитку чая только дали?

— Дали три вещи: одну овцу, одну плитку чая и одну далимбу. Когда одна старуха собиралась убить собаку, сказал, чтоб не убивала свою собаку, затем заставил пустить собаку, отдал свою овцу и пошел сюда! Оказывается, еще одна старуха собирается убить охотну! — Почтенная старуха, зачем хотите вы убить эту охотну? — спрашиваю. — Разорвала мой халат, за это и хочу убить! — говорит. Когда она так сказала, говорю: не убивайте вы охотну, я свою далимбу отдам. Отдал далимбу и пришел! — Так сказал он.

Мать и отец его рассердились.

— Такие хорошие вещи и так израсходовал! — так сердились они. Ночью без сна, днем без еды — очень сердились. Однажды они говорят:

— Пойди на ягодную гору — набери ягод!

И вот тот мальчик отправился на ягодную гору собирать ягоды. Ягод он найти не мог и пошел, глядя на острия вершин ягодной горы. [Там] вцепились друг в друга чернополосатая змея и желтополосатая змея. Растаскивая тех двоих на южную и на северную стороны горы, он потратил весь день и вернулся. Мать и отец его рассердились.

— Велели набрать ягод, а ягод не набрал! — говорили они. Так же без еды оставили почевать. На следующий день очень рано утром он отправился на ягодную гору, собирать ягоды. Ягод он найти не мог и остановился, глядя на острия гор. С северо-запада приехал на кауром коне лама¹ в красном халате и сказал:

— Приглашаю тебя от имени Шара Лусун хана (хана желтых драконов)!

Тогда он поехал сундалой² с тем человеком. Представился Шара Лусун хану. Шара Лусун хан сказал:

— Ты хороший человек; спас жизнь моего единственного сына. Бери что хочешь из моих вещей!

— Хан-батюшка! Если собираетесь мне дать, то дайте четочную головку! — так сказал он.

— Кому же, кроме тебя, отдам!? — сказал [хан] и, отвернувшись, заплакал, прямо посмотрел — засмеялся. Затем отдал. Он взял четочную головку³ и, спустившись при помощи давешнего ламы на ягодную гору, напрямик пришел домой.

¹ Лама — буддийский монах.

² Ехать сундалой — значит ехать вдвоем на одной лошади, сидя верхом друг за другом.

³ Самый крупный шарик в четках.

Когда лама-заклинатель
 Не завершил еще своих заклинаний —
 На южном склоне золотой горы Сумбур
 Было двенадцать стойбищ-айлей.
 Они имели драгоценную гору Сумбур,
 Воздвигнутую в материнский век.
 Они имели золотую гору Сумбур,
 Воздвигнутую в отцовский век.
 Они имели десятью поколениями чтившегося
 Арчин Даянчи ламу (ламу отшельника-созерцателя).
 Они имели нерушимый субурган¹ и
 Неугасимую лампаду.

В первый день новолуния в западном айле родился мальчик. Во второй день новолуния в среднем айле родился мальчик. В третий день новолуния в восточном айле родился мальчик. Десятью поколениями чтившийся Арчин Даянчи лама, будучи привезен, обмыл и отер [их]. Вымыв мальчика из западного айла, он подал и сказал:

— При захвате добычи — благополучие!
 При вхождении в море — превосходство!²
 При нападении на врага — слава!
 Престол в чугунном байшине!³
 Предводитель правого крыла!
 Если присмотреться — простачек среди людей,
 Именуемый Шилин Галдзу Батор (сумасшедший богатырь Шилин)!
 Вымыв мальчика из среднего айла, он подал и сказал:
 — Сам Эдзен Богдо (святой повелитель).

Вымыв мальчика из восточного айла, он подал и сказал:

— При захвате дичи — благополучие!
 При вхождении в море — превосходство!
 При нападении на врага — слава!
 Престол в чугунном байшине!
 В золотой чашке палочки для еды!

¹ Субурган — сооружение своеобразной архитектурной формы; ставится буддистами или как помещение для мощей или как памятник в честь какого-либо выдающегося религиозного события.

² Слов «айа» (в монгольском тексте) переводится словом «превосходство», исходя из предположения, что оно заимствовано из китайского языка: 上

³ Байшин — строгие, дом.

Предводитель левого крыла —
 Именуемый: Аджик Тэвэк Батор (наблюдательный простачок — богатырь)!

Затем десятью поколениями чтившийся Арчин Даянчи лама возвратился домой.

Три мальчика достигли восемнадцати лет.

Эдзен Богдо, намереваясь построить очень красивый храм, собрал сто гадателей. Из ста отобрал, десятых оставил; из десяти отобрал, двоих оставил. Одному из двух гадателей он дал золотую иглу и отправил, другому он дал золотую монету — дзос и отправил.

[Один из гадателей] взял, обследовал дальний берег Белого моря, тут и там обследовал ближний берег Белого моря, тут и там обследовал драгоценную гору Сумбур: на южный склон золотой горы Сумбур принес [монету — дзос] и закопал.

Также и второй: взяв свою золотую иглу, взял, обследовал дальний берег Белого моря, тут и там обследовал ближний берег Белого моря, тут и там обследовал драгоценную гору Сумбур; на южный склон золотой горы Сумбур принес [золотую иглу] и вкопал. Вернувшись домой, они на следующий день встали очень рано утром и отправились втроем — с Эдзеном Богдо. Они пришли и увидели: на месте, где расстилается длинный самбай,¹ зарыта золотая монетка — дзос, а золотая игла, оказывается, вкопалась в отверстие золотой монетки — дзос.²

Про это Эдзен Богдо сказал: — Очень благоприятное место! — и построил очень красивый храм. Построив храм, он установил водяную подставку.³ Вседник сойдет, засмотревшись, неший сядет, засмотревшись — такой красивый храм он построил.

На южных воротах он водрузил искусно сделанного дикого козла. От хвоста искусно сделанного дикого козла он принял водяное благословение — заклинание, и беспомощные скверные бесы утрапились, убежали.

На западных воротах он водрузил барса и дикого козла. От хвоста барса и дикого козла он принял благословение — заклинание лотоса, и мелкие скверные бесы утрапились, убежали.

¹ Самбай — бумажный «хладак» без украшений.

Хладак — тонкие, большей частью шелковые платки разной длины и величины, подносимые в знак почтения, приветствия, дружбы, поздравления и пр.

² Монетка дзос имеет в центре своем квадратное отверстие.

³ Очевидно, нечто похожее на аквариум. Изображения сосудов разной величины и формы, наполненных водой, с плавающими в них рыбами, водяными птицами и др. мы встречаем на монгольских и тибетских буддийских картинах.

свою знать, протрубив в верблюжью трубу, собрал своих близживущих [подданных], протрубив в овечью трубу, собрал своих северных и южных [подданных].

Тогда оказалось, что у него триста воинов. Сел он на скамьеобразного черного с белой шерстью на лбу осла и выехал со словами:

— У меня оказалось триста воинов. Отправлюсь к тем троиц: тем двум богатырям и Эдзену Богдо!

Два золотых жаворонка прибыли на условленный серый холм к Эдзену Богдо и говорят:

— Давешняя девица твоя ведь дочка пятнадцатиглавого Атхальчи Хара Мангата! Пятнадцатиглавый Атхальчи Хара Мангат ведет триста воинов и приближается, чтоб воевать! — так говорили они.

Два богатыря и Эдзен Богдо сидели все вместе, выставивши реять по ветру свои химори.¹

И вот на северо-востоке, то ли так, как они рассказали, то ли нет, но большая пыль замглилась. Затем стали приближаться и прибыли триста воинов во главе с пятнадцатиглавым Атхальчи Хара Мангатом. Мангат спросил их троих — Эдзена Богдо и двух богатырей:

— Чьи потомки и где родное кочевье? Где кочевье, откуда едете и куда держите путь?

— Родное кочевье находится на южном склоне драгоценной горы Сумбур! Едем, имея главной целью забрать Бал Насун — дочку Бал Тумур хана! Кочевье, откуда едем, находится на южном склоне горы Сумбур! Едем, имея целью путь, забрать Бал Насун — дочку Бал Тумур хана! — говорят они Мангату.

— С вами троими буду воевать! — говорит Мангат. Триста воинов сразились с двумя богатырями на южном склоне условленного серого холма. Сразились они при красном восходящем солнце, а минул полдень, и прибыли два богатыря, убив [всех], ни одного не оставив.

Мангат набросился на Эдзена Богдо, и они схватились. В верхнем мире Мангат и Эдзен Богдо схватывались столько раз, сколько звезд насчитывается; в среднем мире они схватывались столько раз, сколько холмов насчитывается; спустившись, в нижнем мире они схватывались столько раз, сколько корней насчитывается. У дверей Арьявалы² они десять суток боролись. У дверей Хоншим бодисатвы³ они двадцать суток боролись. У дверей Джанрайсика⁴ они шестьдесят суток боролись. Еле-еле Эдзен Богдо поверг вниз Мангата, сел ему на грудь и сидел, убивая вшей. Мангат закричал:

¹ Химори — флажки с изображением коня, приносящего счастье по поверью ламантов. В буквальном переводе с монгольского «химори» значит «воздушный конь».

^{2, 3, 4} Арьявало, Хоншим бодисатва, Джанрайсик — это различные названия (санскритское, китайского происхождения и тибетское) одного и того же бодисатвы, 5, обычное, санскритское имя которого Avalokiteṣvara.

— Буду путами для свирепого коня, буду недоуздком для смиренного коня! Сохрани! Пожалей золотую мою жизнь! — так кричал он.

Эдзен Богдо сказал Мангату:

— Отцовское предсказание посмотришь: если не убить, то безнадежно! Материнское предсказание посмотришь: — если не так именно, то безнадежно! — так сказал он.

Пятнадцать голов его он взял и разбросал по-отдельности. Тугие (?) черные косы его он взял и разбросал по рвам. Могущую возратиться душу его он вручил лане Бурхан Номун хава;¹ могущую вернуться душу его он передал Эрлик Номун хану.² Мясо его — куча. Кровь его — морем натекла. Он убил и приехал к двум богатырям.

Втроем они поехали по направлению к Бал Тумур хану. Бал Тумур хан охотился в сопровождении своих придворных. Бал Тумур хан спросил тех троих — Эдзена Богдо и двух богатырей:

— Чьи потомки и где родное кочевье? Где кочевье, откуда едете и к кому держите путь?

— Кочевье, откуда едем, находится на южном склоне драгоценной горы Сумбур! Едем, имея целью поездки забрать Бал Насун — дочку Бал Тумур хана! Родное кочевье находится на южном склоне драгоценной горы Сумбур! Едем, имея главной целью забрать Бал Насун — дочку Бал Тумур хана! — говорят.

— Ханам не отдал, а вам, чужим скверным бродягам, разве отдам? Вам не отдал, а вам, ничтожным скверным бродягам, разве отдам? — говорит Бал Тумур хан.

Два богатыря рассердились. Два богатыря так шлепали ладонями Бал Тумур хана, что [валяясь] на траве — он травой стал, на земле — землей стал.

Бал Тумур хан закричал:

— Отдам свою дочку!

Тогда пустили. На следующий день утром, при восходящем красном солнце они отправились к Бал Тумур хану. Он отдал свою дочку. Настал пир-веселье. Бал Тумур хан проводил их до середины [своей] земли и вернулся, а два богатыря и Эдзен Богдо, везя свою царевну, прибыли домой. Настал большой пир-веселье. Мясо ели, не покладая ножей; вино пили, не отставляя чаш. Величиной с гору мяса наготовили; величиной с море вина наготовили. Для любящих жир — утро настало, для любящих мясо — следующий день настал. Настал большой пир-веселье, и в покое и благополучии они блаженствовали! Хорошо стало!

Кончилось!

^{1, 2} Бурхан Номун хан и Эрлик Номун хан — это названия одного и того же божества — судьи мертвых, владыки подземного царства.

5. СКАЗАНИЕ О ВОЙНЕ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ХАНА И ОЛЁТСКОГО ХАНА

В давнее время жили-были Арайн хан (северный хан) и Убурин хан (южный хан). Были они: северный хан — халха-монгольским ханом, а южный хан — олётским ханом.

Убурин хан убил Арайн хана, убил его семью, забрал его служанку и его жену, забрал двоих из его людей, а остальных всех убил. Затем он прибыл домой. Служанка и жена Арайн хана обе оказались беременными. Убурин хан сказал:

— Если у жены Арайн хана родится мальчик, убью, когда достигнет восемнадцати [лет], до наступления совершеннолетия; если родится девочка — не убью. У служанки хоть мальчик даже родится, хоть девочка родится — не убью! — так говорил он.

Служанка сказала жене Арайн хана:

— Если у тебя родится сын, собирается убить до достижения его [совершеннолетия], если родится девочка — не убьет. А у служанки Арайн хана хоть мальчик, хоть девочка родится — не убью, — говорит!

— Если у меня родится девочка, а у тебя родится мальчик, так мы поменяемся между собою. Если у нас обеих — у тебя и у меня родятся два мальчика, так мы поменяемся между собою! — так сказала она.

Прошло несколько суток, и у обеих родились два мальчика. Они поменялись между собою.

Оба мальчика достигли семнадцати [лет]. Сев верхом на пару коней, они отправлялись к своему скоту и табунам. Страшно хорошие оба юноши-то были.

Так вот, служанка подумала: Теперь приблизилось убийство! — и, будто она пошла собирать топливо-аргал, взвалила на спину корзину и взяла совок. Оба юноши, съездив к своему табу, возвращались. Служанка отправилась к их приезду им навстречу и сказала, сыну жены Арайн хана сказала:

— [Хан] говорил, что убьет тебя, когда достигнешь восемнадцати [лет], до наступления совершеннолетия. Теперь ты достиг семнадцати! Теперь, если минет один только год, — достигнешь восемнадцати, тогда уж убьет тебя. Лучше если бы ты заранее приготовил дома средство, чтобы не быть убитым! — так сказала она.

Тогда поехали те два юноши, раздумывая:

— А что, если отправиться к человеку, прозываемому Цаган Убгун (белый старик), рожденному управлять северо-восточным материком, и обличить свои дела и обстоятельства?! — так раздумывали они.

Однажды [сын Арайн хана] отправился на северо-восток к Цаган Убгуну и сказал:

— [Хан] говорит, что убьет меня до того, как я достигну восемнадцати [лет]. Как бы лучше приготовить средство, чтоб не быть мне убитым? — так спросил он.

— Ты возьми двух лучших в табуе коней и хорошенько выдержи их, а завтра утром приведи мне хорошего, лучшего в стаде, кладеного быка. Я приготовлю и дам тебе одну хорошую вещь! Послезавтра рано утром он будет тебя убивать. Послезавтра совсем рано утром ты возьми свое ружье и оседлай коня; позади дома сделай вид, будто спутал ноги своему коню, а ружье свое, обратив его дулом на запад, положи на дверной косяк и сиди дома. Соберется много народа, будет большой пир. Тогда ты выйди, говоря: «отправляюсь к своему табу!» — На это он скажет: «если тебя сына на пире не будет, то каким образом этот пир может быть пиром?» — Тогда ты быстро выйди со словами: «табун может уйти, а пир не уйдет», — возьми свое ружье и поезжай! Смело удирай сюда! — Сказав такие слова, он отослал.

Тогда тот юноша вернулся домой и отпустил двух хороших, лучших в табуе коней, завязав их языки волосом. Лучшего в стаде кладеного быка он отвел старику и затем вернулся. Утром рано, что называется, он поймал своих двух чубарых коней и за домом сделал вид, будто ступил им ноги. Свой лук с колчаном он привесил к передней луке седла. Свое ружье, обратив его дулом на запад, он положил на дверной косяк и сидел дома. Затем прибыло множество народа. Настал пир-веселье. Тогда тот юноша, сказав: «отправляюсь к табу!» собрался выйти. На это отец его сказал:

— Если сына не будет, то каким образом пир может быть пиром?

Тогда тот юноша со словами: — Табун может уйти, а пир не уйдет! — что называется, быстро вышел и убежал на север. За ним погналось множество народа. На пути ему встретилась мать. Раз поцеловав, «руку дай!» сказал юноша; — подала свою руку. Он взял, отрезал ее большой палец и поехал.

Тот самый юноша, с которым они прежде вместе ездили, далеко, позади него один гнался и прибыл.

— Ты возьми моего коня! Кожу на моей шее оттяни и выпусти кровь, обе руки мои и обе ноги мои свяжи, а коня моего с ружьем моим бери и поезжай! Я про себя скажу, что догнал тебя, да не схватил! Меня могут убить, — так ты ружье мое и коня моего бери и поезжай! — так сказал он.

Тогда взял ружье и коня его и поехал.

Вот приехал он к старику.

Старик положил бычьего мяса в бычью околосердечную сумку, заложил внутрь порцию лекарства и отдал ему; наточил складной нож, сделав его таким

острым, что положенный на лезвие волосок перерывался при дуновении, и со словами: «впоследствии тебе понадобится» заложил в его косу и пришил. Старик заседлал своим седлом своего облачно-синего коня и поехал вдвоем со своим юношей. Поехали они на северо-восток.

— Ну! Когда ты эдак на северо-восток будешь ехать, спустя три дня и три ночи езды, если совсем прямо поедешь, на пути твоём покажется приближающийся старик в замшевой, меховой, потертой шубе с подоткнутыми за пояс полами. После этого появится гора. Когда поедешь, выехав за ту большую гору, покажется хорошенёкий перевал. Как только перевалишь его, — за ним окажется очень хорошенёкая долинка. Поедешь ее серединой — встретится большое углубление; в него можно будет войти и немножко поспать. Когда оттуда ты поедешь дальше, коли закапризничает и неладно задвигается большой чубарый конь, — ты отпустишь его! Зверей, идущих с оглядкой, не убивай, но убивай зверей, идущих прямо-прямохонько. Зверей, находящихся на пути, не объезжай, но, задевая, проезжай! Лишь только ты прибудешь на границу ойтских кочевий и халха-монгольских кочевий, тарбаган западной стороны засвистит, а тарбаган восточной стороны закричит. Если так будет, — считай, что приехал на границу обоих кочевий, — сказал старик и поехал обратно.

А юноша едет все дальше. Три дня и три ночи проехал он и видит: приближается старик в замшевой, меховой, потертой шубе с подоткнутыми за пояс полами. После того появилась гора. Едет он, выехав за ту гору. Показался хорошенёкий перевал. Переправился он через тот перевал и едет. Юго-восточнее перевала была хорошенёкая долинка. И вот, поехал он серединой той долины. Встретилось углубление. Он вошел в то углубление и немножко-немножечко поспал, опираясь на свой кнут. Над краем углубления зашумело множество народа. Тогда старик сказал:

— Молодежь в горах — старики в долах, говорится! Вы ищите в горах, а я поищу в долине!

Все отправились вверх по дальней горе, а тот юноша поехал, убегая все на юго-восток. Он ехал три дня и три ночи. И вот, все приближаясь и оглядываясь, проскакал по направлению на запад барс. Юноша поехал дальше. За барсом быстро-быстро шел зверь, называемый Тумур Муван Султ (имеющий хвост — железную колотушку). Того [зверя] он застрелил — убил и поехал дальше. Большой чубарый конь его все горячился и капризничал; он отпустил его с вершины высокой горы, [Конь] заржал и отправился обратно. После того юноша сел верхом на своего чубарого коня и поехал дальше, ведя на поводу своего гнедого коня. На пути его остановился и сидел барс. Тогда, намереваясь проехать и задеть его, он подъехал ближе, чтобы задеть. Тот барс внезапно махнул лапой и пошел, ведя за собою. Затем тот барс, ведя за собою, стал

подниматься вверх по одной большой вращательной горе, кружа противоположно [движению солнца]. То была гора того старика: противоположно кружа — восходишь, правильно кружа — нисходишь. Кружа противоположно [солнечному движению] [барс] подвинулся и провел, ведя за собою, через одну большую пещеру в скале. Войдя, он отправился в одно красивое место с водою, с озером и сказал: «спи!» [Юноша] расположился стойкой и заснул. Тот барс взял его коня и ушел. [Юноша] немножко поспал, поспал и встал. Снаружи съехалось множество народа, шумели и говорили:

— Конский след прошел через эту пещеру в скале! — Тогда со словами: «Если войдут через пещеру в скале — я убью!» он взял свое ружье и засел севернее, высматривая через пещеру. Позади него прошел барс и этого юношу-то оттолкнул прочь и вышел. И вот снаружи [переполошились]: «И там и тут барс!» — даже ружья загремели.

Тогда, тогда-то вошел барс и привел его коня. Затем барс вышел, ведя за собою. На вершине горы была повешена маленькая человечья голова. Тогда тот барс показал человечью голову — лицо ее — тому юноше и бросил на землю. Так вот, оказалось, то давешнего старика голова была.

— Давешнего старика убили! — сокрушался [юноша].

Затем тот же самый барс повел за собою. Кружа правильно [по движению солнца], он опустился и привел на то место, где были ранее. Затем барс остался позади. Юноша взял и поехал. Юноша поехал на восток в очень далекие земли.

Под восточным склоном одной большой горы, в большой пропасти стоял черный шалаш, подпиравший небо. У дверей его он стреножил своего коня, снял свое седло, к дверям поставил и вошел.

Тогда оказывается: в северной части шалаша большой желтый войлок, в центре его — там большой желтый войлок и в восточной части его большой желтый войлок.

В юго-западной части он прилег, взведя курок своего ружья.

И вот: северный желтый войлок превратился в большое пламя, три желтых войлока превратились в три больших пламени; достигнув среднего пламени, они соединились, и получилось одно большое пламя. Все то прекратилось и обратилось в высокого человека в белой одежде.

Тогда он выстрелил в середину между первым и вторым шейными позвонками того человека — [тот] тихо опустился. Потом он взял и заснул. Утром он проснулся и видит: лежит одна высохшая косточка. Он взял ее, истолок и выбросил. Затем он поехал дальше. Тогда оказались три красивые белые юрты. Он пустил своего коня, внес свое седло в юрту, положил свое ружье на юрту и вошел. Так вот, в юго-западной части была большая засаженная, черная зававеска. Приподняв ее, он поглядел: к стене была привязана девушка, не имев-

шая обеих грудей. Затем тот юноша уснул там в северо-западной части. Позднехонько пришли два людоеда, неся в охапке застывшего человека — мертвого человека.

— Нежное кушанье спит! — говорили они между собою. Он это слышал и лежал.

— Этого сегодня ли уьем и съедим или утром уьем и съедим?

Один из них говорит: — Сегодня уьем и съедим!

Другой говорит: — Утром уьем и съедим!

И вот ободрали они застывшего человека, сварили и съели. Кости его они обглодали, сложили в корыто и прочь отставили. Каждый из них наточил свою саблю. Давешнего, спящего человека они накрыли человеческой кожей и улеглись на обеих ее сторонах. Каждый положил свою саблю себе под голову и уснул.

Давешний человек стал раздумывать:

— Как это я исподнизу убегу?

Вдруг внезапно он вспомнил о занитом в его волосах складном ноже. Взял его и расправил и ту человеческую кожу от самого верха до ног взял и раскроил. Затем он встал. Каждого [людоеда] он его собственной саблей, положенною под подушку — под каждой из подушек были — наступив на один конец, другим концом раз-раз придавливал. Головы их покатались — покатались. Затем он уснул на том месте, где и раньше был. Спал, спал, — утром встал. Он освободил давешнюю девицу, положил в обе ее груди лекарство от ран, посадил ее на своего коня и поехал на восток. Та девица говорит:

— В нашем хошуне появились два страшно сильные существа, называемые Улан Махачин (красный людоед) длинной реки и Ундур Цаган Читхур (высокий белый дьявол) узкой реки. Наш хошун и богатый хошун, и знатный хошун, и большой хошун был! Людей его оба-то: Улан Махачин — людоед длинной реки и Ундур Цаган Читхур — дьявол узкой реки поели и прикончили! А скот его волки поели и прикончили! Так вот должен был погибнуть хошун! — так ехала и болтала она.

— Наши жили на южном склоне той высокой северной горы. Меня, когда пасла здесь овец, забрал Махачин — людоед длинной реки и привязал тороками через обе мои груди! — так ехала и говорила она. Тот юноша ссадил давешнюю девицу, оставил ее без коня пешую и поехал по направлению к юртам.

Из одной большой белой юрты дым вылетал клубами. Он подъехал и [оставаясь] снаружи закричал:

— [Придержите] собак!¹

¹ Это обычный окрик, которым проезжающий в айл посторонний человек извещает хозяев, чтобы они придержали своих собак.

Взшла старуха, опирающаяся подбородком о колени.¹

— Где кочевье и куда держишь путь? — спросила она юношу.

Тогда он сказал: — На юго-западе... [пропуск в рассказе]... Так вот, оказывается привязана одна девица, не имеющая обеих грудей. Развязал и ее путы, положил в обе ее груди лекарство от ран, посадил на своего коня и ссадил южнее этого места! — так сказал он.

— Мбю дочку, когда она пасла овец, забрал Улан Махачин — людоед длинной реки! — все говорила та чабанца.

— Расскажу-ка своему нойону.² — так все говорила она и на север, на север, ушла на северную сторону горы. Затем вместе со старухой прибыли два-три человека. Та самая старуха-то побежала по направлению к девице, а те люди сказали:

— Вы пожалуйте к нам! Я нойон этого хошуна! Будьте вы нойоном вместо меня — я вам свою джинсу³ отдам!

— Лучше я возьму один самбай, нежели вашу джинсу! — сказал тот юноша.

И вот, не будучи в состоянии упротить его, они поднесли ему один самбай и отравили.

Тот юноша проехал много суток на восток. Выскочили торчком два тарбагана: тарбаган западной стороны засвистел, тарбаган восточной стороны закричал. Тогда он сообразил, что приехал на границу халхаских и олётских кочевий.

Прибыв в халхаские кочевья, он три года искал доброго молодца для дружбы и доброго коня для верховой езды. Минуло три года. Однажды поздно он приехал в один айл и уснул. И вот, в загородь того айля проник вор. Ночью девушки того айля всё приходили и говорили:

— В загородь вор приехал! Как быть?! Что делать!... — всё приходили-говорили и выбежали.

Тогда тот юноша проснулся и говорит:

— Что приехало?

— Вор приехал! В нашу загородь, как настанет ночь, приезжает вор! Приезд его хоть и видим, да отъезд не видим! Такой страшный вор приезжает! — говорят.

Тогда тот юноша поднялся и вышел. Он зарядил свое ружье, взвел его курок и встал. Верхом на большом, толстом белом коне, взваливши двух овец

¹ Выражение, характеризующее древность старухи. Она согнулась совсем, так, что подбородок ушел в колени.

² Нойон — князь.

³ Джинса — шарик, который носили прежде на шапке для обозначения чина и достоинства его носителя.

И вот [Эрхим Мерген] наметил середину между его первым и вторым шейным позвонками и выстрелил. Тогда голова Шиджир Батора перекувырнулась и упала. Шиджир Батор хотел схватить свою голову и чуть-чуть не схватил. Тогда замок его ружья выстрелил и прострелил макушку шапки Эрхим Мергена. Затем Шиджир Батор умер.

Эрхим Мерген отомстил за мать и отца и стал войном. Он был очень грозным войном и блаженствовал в покое и благополучии.

6. АРСАЛАН ЦАГАН ХАН

В начале нашей калпы,
 В предначертании калпы Майдари,
 В начале этой калпы,
 В предначертании первоначальной калпы
 Жил Арсалан Цаган хан (белый хан-лев).
 Он имел драгоценную гору Сумбур,
 Воздвигнутую в материнский век.
 Он имел золотую гору Сумбур,
 Воздвигнутую в отцовский век.

У него был подданный Дансурун, имевший единственного белого коня. Подданный его Дансурун был беден и ничего не имел. Он сел верхом на своего единственного белого коня, взял саженный желтый хадак¹ [и поехал] просить у Шарин Даянчи ламы (созерцателя-ламы желтошапочной буддийской секты) постоянное пропитание.

Ехал он истоком Девятидесятичного родника, устьем Семидесятичного родника и берегом Великого моря.

Черно-пестрая лягушка и желто-пестрая лягушка вцепились друг в друга. Черно-пестрая лягушка ускакала, прыгнула в море, а желто-пестрая лягушка оборотилась Шарин Даянчи ламой.

— Дай постоянное пропитание! — сказал [Дансурун].

Тогда [Шарин Даянчи лама] сказал так:

— Дам постоянное пропитание, если принесешь ушедшую в море черно-пеструю лягушку!

— Я! Каким образом смогу я принести ушедшую в бездонное море черно-пеструю лягушку? — говорит.

Тогда [Шарин Даянчи лама] сказал так:

— У истока Девятидесятичного родника, у устья Семидесятичного родника, на девяносто трех золотых тополях находятся девяносто три нечистые головы.

Ты принеси их и кинь в море со словами: — Исыхай на гальке и растекайся на черной тине! — Иссохнет на гальке, растечется на черной тине и выскочит-выпрыгнет черно-пестрая лягушка! Закинешь мой золотой аркан — он зацепит и притащит.

Тогда отправился [Дансурун] истоком Девятидесятичного родника, устьем Семидесятичного родника к девяносто трем золотым тополям. Те, бывшие [там], девяносто три нечистые головы он забрал, принес к морю и кинул со словами:

— Исыхай на гальке! Растекайся на черной тине! Исыхая на гальке и растекаясь на черной тине, выскочила-выпрыгнула черно-пестрая лягушка. Он закинул золотой аркан, зацепил и вытащил. Он принес и отдал [лягушку] Шарин Даянчи ламе. Шарин Даянчи лама сказал:

— Отдам [тебе] самую младшую из пяти небесных волшебниц — прекрасную царевну Самъяр Тонгалак (светлую Самъяр). Завтра рано утром ты приляг возле девяносто трех золотых тополей, заberi мой золотой аркан и кинь [его] в самую последнюю из пяти цветных радуг!

И вот кинул он в самую последнюю радугу и притащил прекрасную царевну Самъяр Тонгалак. Затем он посадил ее сундалой на своего единственного белого коня и привез к Шарин Даянчи ламе. Он принес и отдал его золотой аркан и [отправился] по направлению к дому истоком Девятидесятичного родника, устьем Семидесятичного родника и берегом Великого моря. Он так гнал домой галопом, что враспяжку [конь летел], он так настегивал, что враспяжку [конь летел]. Прибыл он к себе домой, посадил [царевну] перед божницею и три ночи и три дня жег огонь и чествовал.

Тогда: — Это что за чудо приключилось? Три ночи и три дня горит огонь у моего подданного! Пойди посмотри! — сказал [хан] и послал своего придворного. Тот придворный сходил, пришел и говорит:

— Ездил [Дансурун] к Шарин Даянчи ламе просить постоянного пропитания. [Тот] дал младшую из пяти небесных волшебниц — прекрасную царевну Самъяр Тонгалак. Он привез ее, посадил перед божницей и три ночи и три дня жег огонь и чествовал!

Тогда сказал придворному:

— Призови!

Придворный отправился и сказал:

— Хан-батюшка говорит и велит, чтоб ты пришел!

Тогда он отправился.

— Ну! Отдашь ли ты свою царевну моему сыну, моему Урденъ Чугум Бодисат Ху (вечный подлинный бодисаттва юноша)? — спрашивает [хан]. — Я дам тебе совершенно белый дворец без вязок и веревок и пять видов скота!

— Ладно! — говорит.

Дал совершенно белый дворец без вязок и веревок и пять видов скота, а царевну его взял и отдал своему сыну. Тогда четыре государственных чиновника и скверный черный старик-привратник зашептали и сговорились:

— Урдень Чугум Бодисат Ху и прекрасная царевна Самъяр Тонгалак! Одного из этих двоих убьем! — так сговорились они.

Затем скверный черный старик-привратник сказал [хану]:

— Юго-западную часть нашего хошуна захватили враги. Говорят, что, если отправить войско, — не победить, а если твой сын отправится, то победит! — так сказал он.

Так вот. Что касается коня того юноши, то пребывал он на небе, [называясь] Алтан Дугуе Шаргал Мори (красночальный конь — золотая дуга).

[Юноша] взошел на установленный серый холм и помахал рукой и четырежды прокричал, помахал рукой и трижды прокричал.

Конь его прислушался, поедая верхинки трав, прислушался, выпивая прозрачность вод, и прибыл, играл своим хвостом и поднимаясь от своей тени, играя своей головой и поднимаясь от пыли.

Не ловил он укрюком — поймал помощью тонкого разума. Не ловил он [коня] петлей укрюка — поймал помощью хубилганского разума. Уздечку с резными бляхами он приладил к голове его. Десятитысячеланное седло он так вскинул, что шлепнуло. Столанную потфею он приладил к его полному телу. Семидесятиланый кнут он привесил вдоль его лопатки. Солнечное и лунное стремя по ту и по другую сторону поблескивали. Чепрак [с узором] листьев и луны по ту и по другую сторону он заставил положить. Шестидесят телегодноколок он установил без промежутков и к одной крайней телеге привязал [коня]. Своей царевне он построил четырехэтажный чугунный байшин, посадил туда и замкнул.

Царевна дала юноше золотое колечко.

Юноша поставил путевое воскурение вне дома; воскурение молитвенного поклонения он поставил в доме; дорожное воскурение он поставил вне дома; молитвенное воскурение он поставил в доме и поехал на юго-запад. Как только голова юноши скрылась из виду, скверный черный старик-привратник схватил свою саблю, вошел и спросил [хана]:

— Пожалеешь ли свой красный кровяной сосуд величиною с нитку, или пожалеешь свою красную джинсу?

— Жалею свой красный кровяной сосуд! — проговорил [хан], положил свою красную джинсу на престол и убежал.

Тогда зажил [привратник], став нойоном, именуемым Гундуном Самбо. Арсазан Цаган хана он сделал скверным черным стариком-привратником; четырех государственных чиновников он сделал четырьмя телохранителями;

телохранителей он сделал четырьмя государственными чиновниками. На четыре стороны четырехэтажного чугунного байшина он нагалил четыре телеги камней и расплавил как олово и довел докрасна.

[Царевна] ждала трое суток, пока золотой ганчжир¹ не расплавился, но когда стало невозможно — она отправилась. Она полетела и прибыла к овечьему мальчику Му Боролзою (скверному Боролзою).

— Если Урдень Чугум Бодисат Ху не умрет, если он придет, ты скажи: как только голова твоя скрылась из виду, скверный черный старик-привратник схватил свою саблю и вошел, говоря: «пожалеешь ли свой красный кровяной сосуд величиной с нитку, или пожалеешь свою красную джинсу?» — Жалею свой красный кровяной сосуд величиной с нитку! — сказал [хан] и убежал, положив на престол свою красную джинсу, а скверный черный старик-привратник зажил, став нойоном, именуемым Гундуном-Самбо. Он отца твоего сделал скверным черным стариком-привратником; четырех государственных чиновников он сделал четырьмя телохранителями; телохранителей твоих он сделал четырьмя государственными чиновниками! На четыре стороны четырехэтажного чугунного байшина он навалил четыре телеги камней и расплавил как олово и довел докрасна. Я ждала трое суток, пока золотой ганчжир не расплавился. Когда стало невозможно, — я полетела и вот отправляюсь! Если Урдень Чугум Бодисат Ху проедет здесь, ты скажи, что я сказала, что буду десять месяцев ждать у Шарин Даянчи ламы! — так сказала она.

Так сказала и улетела. После того Урдень Чугум Бодисат Ху и не умер и не иссох. Он ехал сюда — возвращался. Повстречалось множество рогатого скота.

— Чье стадо-скот? Чьи подданные? — спрашивает он.

— Стадо и скот нойона, именуемого Гундуном Самбо! — говорят.

Затем поехал он дальше. Повстречалось множество овец.

— Ну! Чье стадо-скот? Чьи подданные? — спрашивает.

Тогда говорят:

— Раньше давно были подданными Арсазан Цаган хана, теперь стали подданными нойона, именуемого Гундуном Самбо!

Тогда он спросил:

— Ты ли это овечий мальчик Му Боролзой?

— Он и есть! А вы точно-ли Урдень Чугум Бодисат Ху? — спрашивает.

— Он и есть! Это что теперь у наших приключилось? — спрашивает он.

— Как только вы, ваша голова скрылась из виду, скверный черный старик-привратник схватил свою саблю, вошел и спрашивает: «пожалеешь ли свой

¹ Ганчжир — медная, золоченая ваза, которая устанавливается по середине крыши храма и, при освещении храма, наполняется доверху печатными молитвами.

красный кровяной сосуд величиной с нитку или пожалеешь свою красную джинсу?» — «Жалею свой красный кровяной сосуд величиной с нитку!» — сказал [хан] и убежал, положив свою шапку с джинсой на трон. Тогда [привратник] зажил, став нойоном, именуемым Гундуном Самбо. Обоих твоих: отца и мать он сделал рабами рабов, подножием порога, дрянным черным стариком-привратником; четырех государственных чиновников он сделал четырьмя телохранителями; твоих телохранителей он сделал четырьмя государственными чиновниками! На четыре стороны четырехэтажного чугунового байшина он навалил четыре телеги камней и расплавил как олово и довел докрасна. Царевна ждала трое суток, пока не расплавился золотой ганчжир, а когда стало невозможно — улетела. Так-и-так мне рассказала и отправилась со словами: «буду десять месяцев ждать у Шарин Даянча ламы!» — В настоящее время есть ли, нет ли — не знаю! — так сказал он:

— Итак отправляюсь! Отцу и матери моим не говори, — сказал [Урдень Чугум Бодисат Ху] и в тот же момент поехал к Шарин Даянчи ламе. Он прибыл к Шарин Даянчи ламе и спросил:

— Куда отправилась белая царевна Самъяр Тонгалак? — так спросил он.

— Давным-давно отправилась, сказав, что прождет десять месяцев на дереве Арайн Гушилъ Зандан (северный кедр-сандаал). В настоящее время есть ли, нет ли — не знаю! — говорит [Шарин Даянчи лама].

Тогда поехал [Урдень Чугум Бодисат Ху] к дереву Арайн Гушилъ Зандан и прибыл. Оказывается, нет [царевны].

На вершине дерева Арайн Гушилъ Зандан было сажженое золотое письмо. Он взял его и прочитал.

— Ушла на небо. Не добежать за мной коню с копытами, не долететь рожденной птице. В дальние края ушла! — говорило письмо.

Прочитал он это, сел и заплакал.

— Подтяни подругу накрепко и поедем! — сказал его конь. И вот, затянул он подругу накрепко и поехал; затем полетел, поднялся на небо и едет. На небе он подъехал к колодецу с золотой оградой и серебряной колодой, наполнил из него своего коня и посяживает.

Тем временем приехала с северо-востока девица в коричневом халате, верхом на коричневом коне. Она держала золотой сосуд.

— А, дитя мое! Этот колодец — как он называется? — спросил он.

— Одна царевна приехала, осквернилась внизу, а это тот колодец, что омывает-очищает ее! — говорит она.

— Я поною воды и отдам! — так сказал он.

Тогда она подала свой золотой сосуд. Он попил воды, бросил в середину золотое колечко и отослал.

Когда она принесла [воду] и стала омывать [царевну], золотое колечко сверкнуло и выскользнуло. Таким образом [царевна] увидела его и спросила:

— Какая служанка ходила сегодня по воду?

— Я! — говорит девица в коричневом халате.

— Не встретился ли тебе сегодня у воды человек, когда ты ходила по воду? — говорит.

— Встретился! Человек гораздо более добродетельный, чем я, если согласишься взглянуть поближе. Человек бесконечно высокодобродетельный, если согласишься взглянуть!

Тогда [царевна] сказала:

— Призови того человека, если окажется! Пойди приведи того человека! — так сказала она.

Пошла и привела того человека, как было сказано. И вот, оказывается, то именно Урдень Чугум Бодисат Ху и был.

Тогда настал большой пир-веселье.

Прошло трое суток. Он вернулся к своему коню. А конь его чуть не умирает: волосы сбились, кости торчат, глаза провалились.

— Заменявший мне мать в отсутствие моей матери! Заменявший мне отца — в отсутствие моего отца! Конь мой! Алтан Дугуе Шарак! Что случилось?! — так сказал он.

— Что ты думаешь: каково живут твои отец и мать? Если ты не идешь, то я пошел! — говорит [конь].

Тогда Урдень Чугум Бодисат Ху отправился и сказал:

— У коня моего волосы сбились, кости торчат, глаза провалились. Приехал я, не представившись хану-батюшке и ханше-матушке. Я поеду, повидаюсь! — так сказал он и взял да пошел.

[Пирующие] запели очередную красивую песню-напев. Юноша вернулся.

— Садись на тот четырехэтажный чугунный престол на западной стороне! — сказал [хан].

Смысл этого был тот, что он отдавал свою царевну тому, кто удерживался на престоле. Тот юноша прекрасно удержался. [Хан] отдал ему свою царевну и спустил того юношу вдвоем со своею царевной вниз, на дерево Арайн Гушилъ Зандан. От дерева Арайн Гушилъ Зандан юноша опередил по направлению к дому множество слуг и сказал:

— За мной следом, на местах, где убью марала — полднюйте; на местах где убью маралуху — ночуйте! — так сказал он и поехал.

Приблизившись к своему дому, он запрятал своего коня в свое огниво. Щиколотками он зацепил серый войлок, лодыжками он зацепил желтый войлок и пошел. Нойон, именуемый Гундуном Самбо, вышел помочиться.

— Это что за скверное существо ходит по пещу? Отгоните прочь! — сказал он.

Подошел один придворный и говорит:

— Тебе приказывает уйти прочь!

Тогда он пошел со словами:

— И с ненавистью нечто идет, и без ненависти нечто идет!

— Что говорит тот дрянной-то?

— Идет ли нечто с ненавистью, идет ли нечто без ненависти! Так говорит!

— Позови его! — говорит.

Пошел [придворный] и говорит:

— Тебя зовет!

Он отправился.

— Ну! Ты куда идешь? — говорит войон, именуемый Гундуном Самбо.

На это он ответил:

— Нет земель, много неисхоженных и невиданных!

Тогда спросил [Гундун Самбо]:

— А не попался ли тебе умерший и иссохший так называемый Урдень Чугум Бодисат Ху?

— Давным-давно умер! И кости и волосы-то вряд ли остались! — так ответил он.

— Что за благоречивый человек! Садись выше! Приготовьте овцу! Сварите, подайте овечий крестец! — говорит.

И вот, приготовили овцу, сварили овечий крестец и подали. [Урдень Чугум Бодисат Ху] помногу отрезал от обеих сторон и, уронив на землю, взял и отдал отцу и матери — каждому из них. Тогда Гундун Самбо войон сказал:

— Зачем отдал этим двум дрянным рабам?

— Если говорят хану, то вам следует отдать! Если говорят Гасур, Усур,¹ то собакам следует отдать! — отвечает он.

— Что за правдоречивый юноша! Садись выше! Кушай обед! — говорит.

Вот он сел повыше, съел обед и говорит:

— Будет ли мне где поспать?

— Пойди спи у моих рабов! — говорит.

Итак, отправился он к своим отцу и матери. Очень плакали отец и мать его.

— Вы чего? — спрашивает.

Тогда говорят они:

— Утром рано приказывает вставать!

На следующий день утром:

¹ Гасур, Усур — имена собак.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3—4
Тексты	5—34
1. <i>nэг тѳ бйѳт хоййр тѳ саххалт</i>	5
2. <i>тѳ аллѳк ѳартѳ ѳмгѳ</i>	6
3. « <i>ѳртѳр цагтѳ ѳмгѳ ѳвгѳ хоййрин нѳг хѳ</i>»	8
4. <i>ѳилѳ галзѳ батѳр, азѳик тѳнек батѳр, ѳдзѳ богдо — тѳре гурwѳ ѳлѳгѳр</i>	11
5. <i>галха монгѳлѳ хѳ, ѳидеѳ¹ хѳ даѳдсѳни ѳлѳгѳр</i>	20
6. <i>арсалѳ цага хѳ</i>	27
Переводы	35—68
1. Ростом с пядь, с бородой в две пяди	35
2. Старуха с быном, имевшим пестрины в пяди	36
3. «В давнее время в одном богатом айле жили сын старика и старухи»	38
4. Сказание о Шилин Галду Баторе, Аджик Тѳнж Баторе и ѳдлене Богдо	41
5. Сказание о войне халха-монгольского хана и ѳлѳтского хана	48
6. Арслан Цаган хан	56

— Рабы рабов! вставайте! — Наше солнце восходит, а ваше заходит! —
закричал [Гундун Самбо]. Тот юноша встал и говорит:

— Коли тут — выходи дрянной черный старик-привратник!

В начале своего страха [Гундун Самбо] подскочил и залез в ящик. Жена
его вышла и говорит:

— Давным-давно уехал на ящичную войну. И умер и иссох! — Тогда он
залез в сундук. Снова вышла и говорит:

— Давным-давно на сундучную войну уехал и, должно быть, исчез!

Тогда вышел [Гундун Самбо].

Вот тут-то и схватил его [Урденъ Чугум Бодисат Ху] и засадил в четырех-
этажный чугунный байшин. Он привез к четырем стенам четыре телеги камней.
Он расплавил, как олово, он довел докрасна и [таким образом] убил. Тем вре-
менем прибыла его царевна, и в покое и благополучии они наслаждались.

